

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЗНАНИЕ И МНЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт языкознания

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЗНАНИЕ И МНЕНИЕ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Н.Д. АРУТЮНОВА

Москва "Наука" 1988

Редколлегия:

*Н.Д. Арутюнова, В.В. Петров, В.А. Смирнов,
Е.Р. Иоанесян (отв. секретарь).*

Рецензенты:

доктор философских наук *В.В. Петров*,
кандидат филологических наук *И.М. Богуславский*

Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 127 с. — ISBN 5-02-010897-9

Сборник представляет собой первый выпуск серии "Логический анализ языка" (ежегодник).

Логический анализ языка — одно из быстро развивающихся направлений современной лингвистики. Статьи сборника объединены общей тематикой: в них осуществлен логико-лингвистический анализ высказываний с пропозициональными предикатами знания и мнения. Анализ проводится на материале различных синтаксических конструкций.

Для лингвистов, логиков, философов.

Logical Analysis of Languages. Knowledge and Belief.

Logical analysis of natural languages is one of the main trends of modern linguistics and logic. The articles of this first issue of an annual have for their chief subject the propositional attitudes of knowledge and belief, their influence on the meaning, structure, truth-value, implications and presuppositions of the dependent proposition, its functional perspective and negativization.

Л 4602000000-321
042(02)-88 312-88-IV

© Издательство "Наука", 1988

ISBN 5-02-010897-9

ОТ РЕДАКТОРА

Вниманию читателей предлагается первый выпуск ежегодника, подготовленный проблемной группой по логическому анализу естественного языка, организованной в 1986 г. при Институте языкознания АН СССР. Группа объединяет лингвистов и логиков разных научных и учебных центров. В 1986—1987 гг. в работе группы профилировала проблематика, связанная с пропозициональными установками (отношениями) — предикатами, вводящими пропозицию и выражающими отношение к ней субъекта установки. Этой теме было посвящено состоявшееся в апреле 1987 г. рабочее совещание (см. тезисы "Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте". М., 1987). Настоящий выпуск частично отражает материалы совещания.

Исследование пропозициональных установок, непосредственно влияющих на истинностное значение зависимого суждения, имеет давнюю традицию. В ее развитии большую роль сыграло учение о модусе и диктуме в логике схоластов, а позднее концепция Р. Декарта, четко разделившего познавательную способность, порождающую суждение, и способность выбирать, формирующую утверждение и отрицание. Противопоставив разум и волю, Декарт соотнес с первым неутвержденное суждение, а со второй — акт утверждения или отрицания. Эта мысль стала основополагающей

в логической доктрине Г. Фреге, отделившего в формальной записи высказывания акт утверждения от структуры пропозиции: $\vdash (Px)$. В последующих теориях обозначилась тенденция к расширению категории пропозициональных установок за счет различных субъективных модусов. Расчленив высказывание на стабильное ядро и переменный компонент (модус), Б. Рассел включил в этот последний все то, что может быть квалифицировано как состояние сознания говорящего (точнее, субъекта установки): источник знания или мнения, цель сообщения, эмоции и желания, степень уверенности и т.п.

Со времени публикации работ Г. Фреге и Б. Рассела прошло больше полувека. В течение этого периода проблема пропозициональных отношений не выходила из поля зрения логиков и философов. Лингвисты же обратились к этой проблематике сравнительно недавно. Они ввели в рассмотрение свежий языковой материал, обогативший представления о спектре пропозициональных установок. Это, в свою очередь, поставило задачу расширения логического аппарата анализа.

Тема пропозициональных установок выдвигает множество теоретически и практически важных проблем. К ним относятся: таксономия установок, их распределенность по категориям (сенсорной, или перцептивной, ментальной, волитивной), взаимодействие установки с разными типами зависимой пропозиции, отношение между мнением говорящего и мнением субъекта установки, проблема обоснования мнения, а также характер оснований, имплицитруемых разными установками, механизмы субъективации и объективации пропозициональных предикатов (введения и устранения указания на лицо), сфера действия отрицания пропозиционального предиката (негативизация), ограничения на введение в зависимую пропозицию вопросительного местоимения (проблема косвенного вопроса), избранность, или за-

данность, пропозиции (ср.: *Я не знаю, придет она или нет* и *Я сомневаюсь, что она придет*), коммуникативная структура высказываний с разными типами пропозициональных предикатов, вид, время и модальность этих последних, их функционирование в диалоге, статус и номинализуемость зависимой пропозиции, модификаторы, сочетающиеся с пропозициональными предикатами, их употребление во вводной позиции (парентетизация), выявление факторов, препятствующих инверсии высказывания (по типу: *Известно, что он уехал — То, что он уехал, известно*), совместимость пропозициональных предикатов, ограничения на референцию имен в зависимой пропозиции и другие, не менее интересные, вопросы. В данном выпуске рассмотрены лишь некоторые из них. К их числу относятся: противопоставленность знания и мнения (полагания), знания и незнания, проблема негативизации пропозиционального предиката, коммуникативная организация высказывания, семантическая согласованность пропозициональной установки и зависимой пропозиции и нек. др. Эти темы проходят через ряд статей. Введение отрицания и перемещение коммуникативного фокуса влекут за собой далеко идущие последствия, которые не были до сих пор в полной мере учтены в логико-лингвистическом анализе. Коммуникативная неоднородность высказываний с эксплицированными установками делает необходимым изучение их интонационного рисунка. Принятая авторами система просодической записи приведена в статье С.В. Кодзасова.

По использованной терминологии и методам анализа статьи обнаруживают относительное единство. Вместе с тем авторы нередко выражают разные точки зрения (в частности, на статус косвенного вопроса). Это стимулирует дальнейшие размышления и дискуссии, которые найдут свое отражение в следующем выпуске ежегодника.

М.А. Дмитриевская

**ЗНАНИЕ И МНЕНИЕ:
ОБРАЗ МИРА, ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА**

Понятия мнения и знания издавна привлекали к себе внимание философов. Что есть мнение? Что есть знание? — эти вопросы являются центральными для эпистемологии, а также рассматриваются (несколько в ином ключе) в теории познания. При анализе мнения и знания в качестве центрального берется понятие знания (выделяются такие его характеристики, как умопостигаемость, истинность, верифицируемость и др.), а мнение определяется чисто негативно: мнение есть то, что не удовлетворяет критериям знания. Подобная традиция берет свое начало у Платона.

Современная эпистемическая логика тоже идет по линии рассмотрения понятий мнения и знания в онтологическом ключе, но при этом стремится к выявлению более четких противопоставлений. Так, Я. Хинтикаа приходит к выводу о несводимости понятий мнения и знания друг к другу: знание истинно в одном из возможных миров, совпадающем с реальным, мнение — в одном из возможных миров, не обязательно совпадающем с реальным [1].

Однако существуют такие подходы, при которых центральные эпистемические понятия оказываются существенно сближенными. В работах, посвященных анализу научного знания, второй член в оппозиции знание/мнение заменяется такими терминами, как гипотеза, теория, предположение, идея и т.д. При этом границы между ними и (научным) знанием стано-

ваться зыбкими (максимально четко это отражено в принципе фальсифицируемости К. Поппера), а соответствующее словоупотребление — размытым.

В аналитической философии, обратившейся к анализу естественного языка, задача определения понятий мнения и знания ставится по-другому. Психологизация этих понятий (вследствие введения в рассмотрение субъекта — носителя мнения и знания) дала толчок к более тесному их рассмотрению. Рядом исследователей знание стало определяться либо как включающее в свой состав мнение (*belief*), либо как содержащее общий с мнением компонент — чувство уверенности. В работе "Проблема знания" А. Айер писал: "В ментальных состояниях мнения и знания нет различия" ([2, с. 25], см. также ряд статей в [3]). Итак, акцент с рассмотрения отношения "пропозиция — реальный мир" стал смещаться в сторону рассмотрения отношения "субъект — пропозиция". Место обладателя критериев истинности суждения стало отводиться не абстрактному наблюдателю, наделенному логическим всеведением, а самому носителю знания или мнения. В законченной форме это положение было сформулировано Причардом: человек обычно сам без колебаний может определить, знает он что-либо или только так думает [4, с. 61]. В качестве одного из критериев различия знания и мнения начал выдвигаться способ обоснования достоверности или правомерности соответствующих суждений [5, с. 44; 6, с. 15]. Доведение до логического конца требования обоснованности утверждений знания привело Л. Витгенштейна к отказу от придания статуса знания тем пропозициям, которые не нуждаются в доказательстве и на полном принятии которых строится вся человеческая деятельность (например: $2 \times 2 = 4$; *Земля существовала задолго до нас* и т.д.). Постепенно анализ центральных понятий эпистемологии сомкнулся с лингвистическим ис-

следованием употребления глаголов пропозиционального отношения, вводящих суждения знания и мнения, и сама проблематика знания и мнения стала по преимуществу языковой. Основополагающие работы в этом направлении принадлежат Дж. Э. Муру, Л. Витгенштейну, Н. Малкольму [7; 8; 9].

Необходимо, однако, отметить, что на всем протяжении развития философской и логической мысли, занятой анализом человеческого знания и познания, содержание рассматриваемых знаний и мнений оставалось неизменным: человек познавал окружающий мир, а сам оставался обезличенным, — формулируемые им суждения принадлежат миру. Введение в рассмотрение субъекта — носителя знаний и мнений — не дало в этом отношении в позитивистски ориентированных исследованиях ничего нового — знание и мнение продолжали оставаться интерперсональными.

Между тем мыслительная и познавательная деятельность людей не ограничивается отражением реальности. Окружающий мир оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: явления и предметы оцениваются, принимаются или отвергаются; человек, "переживая" жизнь, формирует свой характер, взгляды и убеждения; в процессе принятия решения человек анализирует ситуацию, исходя из тех установок, которые составляют ядро его личности (поэтому неудивительно, что в сходных обстоятельствах люди ведут себя по-разному). Возможность переплавляется в необходимость и влечет за собой действие. То, как человек "существует", зависит от того, как (или что) он мыслит. Не может быть двух одинаковых жизней, потому что не может быть двух одинаковых личностей и стилей мышления.

Нельзя сказать, что суждения, в которых отражен образ человека, не привлекали к себе внимания; их анализом занимались и продолжают заниматься этика,

аксиология, эстетика, теория действия, психология. Однако к этим суждениям можно подойти с иных позиций и рассмотреть их с привлечением центральных эпистемических понятий — мнения и знания.

В настоящей статье мы ограничимся сопоставительным рассмотрением верифицируемых и оценочных суждений. Описание сходств и различий между ними в их отношении к категориям знания и мнения будет основываться на сравнении набора глаголов пропозиционального отношения, которыми могут вводиться эти типы пропозиций, на анализе значения и особенностей употребления пропозициональных глаголов, а также на рассмотрении приемов аргументации различного рода суждений. Полученные данные помогут нам расширить представления о концептах мнения и знания.

Рассмотрим сначала класс верифицируемых пропозиций — пропозиций, которые соотносятся с настоящим, прошлым или будущим положением дел в мире и в принципе могут быть верифицированы в момент произнесения соответствующего высказывания, например: *Она уехала в Киев*. Верифицируемые пропозиции могут быть содержанием как знания, так и мнения. Указанные пропозициональные отношения обнаруживают разную способность к эксплицитному присутствию в тексте. Если верифицируемое суждение составляет содержание мнения субъекта, то это должно быть понятно либо из контекста, либо быть отмечено вводимыми модальными словами или соответствующими глаголами, например: *Я думаю/считаю/полагаю, что она уехала в Киев*. Если сообщаемая информация принадлежит сфере знаний субъекта, то нет необходимости это эксплицитировать. Высказывание *Она уехала в Киев* информационно достаточно без выраженного модуса знания, который становится здесь имплицитным, в терминологии Ш. Балли — подразумеваемым знаком.

Однако присутствие модуса знания при верифицируемых пропозициях все-таки возможно в тех случаях, когда выражение *я знаю* указывает на достоверность сообщаемых сведений, часто предвеляя ссылку на источник получения информации, где содержится указание на то, была ли получена информация "из вторых рук", из непосредственного опыта или путем логического вывода. (В последнем случае сообщаются факты, являющиеся основанием вывода, либо указывается на "эпистемический статус" говорящего).

Для верифицируемых пропозиций знание и мнение отличаются друг от друга по параметру истинности пропозиции. В случае знания имеет место истинностная оценка, в случае мнения — вероятностная, ср. *Я знаю, что он уже приехал — То, что он приехал, истинно; Я думаю/считаю/полагаю/мне кажется, что он уже приехал → То, что он приехал, вероятно.* Постулируя знание, субъект не думает, что могут появиться какие-то противоречащие факты. Утверждение знания полностью исключает не только выражение неуверенности и указание на возможность ошибки или осуществления альтернативного положения дел, но и выражение уверенности, ср. **Я знаю, что Р, но я могу ошибаться/но может быть и не Р/ но я в этом не уверен; *Я знаю, что Р, я в этом уверен.* Выражение даже самой сильной уверенности никогда в случае верифицируемых пропозиций не может перейти в знание. Мнение, напротив, легко соединяется с выражением уверенности, неуверенности и с указанием на возможность ошибки или осуществления альтернативного положения дел, ср. *Я думаю, что Р, но могу и ошибаться/ хотя и не уверен/ я полностью в этом уверен/ хотя может быть и не Р.*

Способов аргументации суждений-мнений гораздо меньше, чем способов аргументации знания. То, что мнение в подавляющем большинстве случаев бази-

руется на анализе набора фактов, отражено в возможности постановки к утверждениям мнения вопроса *Почему ты так думаешь/ считаешь?*, ответ на который должен содержать обоснование вывода (иногда просто указывается на "эпистемический статус" говорящего), ср. А: *Она сегодня уже не придет.* В: *Почему ты так считаешь?* А: *Она явно опоздала на электричку, иначе давно была бы здесь/ Я ее хорошо знаю.*

Приступая к рассмотрению пропозициональных глаголов, вводящих оценочные суждения, надо сразу отметить, что в зависимости от того, оцениваются ли непосредственно воспринимаемые предметы и явления (*Не знаю, как тебе, а мне этот фильм понравился/ Я считаю, что это интересный фильм*) или же оценка имеет гипотетический характер (*Я не смотрел этот фильм, но думаю, что он интересный*), необходимо различать два типа оценочных суждений. Суждения первого типа мы будем называть собственно оценочными или оценками-мнениями, а суждения второго типа — оценками-предположениями. Это различие имеет далеко идущие последствия, ибо, как будет показано ниже, область предикатов, обслуживающих оценки разного типа, семантика этих предикатов и их употребление сильно отличаются друг от друга. Не являются одинаковыми и способы обоснования этих суждений.

Обратимся сначала к рассмотрению глаголов мнения, которые вводят собственно оценочные суждения. Их значение отличается от значения глаголов мнения-полагания, особенности которых были рассмотрены выше. Причина этих различий лежит в специфике верифицируемых и оценочных суждений. Формулируя оценку, говорящий описывает не возможность осуществления какого-нибудь положения дел, а свой взгляд на воспринимаемые, имеющие объективный ста-

тус предметы, явления, события. Понятие вероятности в оценку не входит, ср. *Я считаю, что книга интересная/ Книга, возможно, интересная.*

В русском языке круг глаголов мнения, вводящих оценку, существенно уже круга глаголов, вводящих верифицируемые мнения, ср. **Я посмотрел фильм и предполагаю/полагаю/думаю, что он интересный.* Оценочные суждения могут вводиться выражениями *Я считаю, Я нахожу*, прагматически смягченными вариантами которых являются выражения *по-моему, мне кажется*¹.

Различные виды оценочных суждений нуждаются в мотивировке в неодинаковой степени². Обычно не мотивируются сенсорно-вкусовые, психологические (интеллектуальные и эмоциональные) и эстетические оценки, поскольку "им не могут быть сопоставлены некоторые качества оцениваемого объекта... Оценка прямо проистекает из того ощущения, которое, независимо от воли и контроля, испытывает человек" [10, с. 14], например: *Этот пирог вкусный; Этот фильм скучный; Это радостное событие; Эта вышивка очень красивая.* Этическая оценка в общем случае требует мотивировки, — это находит свое отражение в том, что к соответствующему высказыванию (например, *Он хороший человек*) может быть задан вопрос *Почему ты так считаешь?*

В значении оценочных предикатов содержится как оценочный, так и дескриптивный компонент [11]. Необходимость в мотивировке рациональных оценок (ути-

¹ Поскольку нас интересует функционирование именно эпистемических глаголов, мы не принимаем во внимание тот факт, что наиболее естественным выражением оценки в рассматриваемых случаях были бы выражения типа *Фильм мне понравился; Фильм показался мне интересным.*

² Далее мы следуем классификации оценок, разработанной Н.Д. Арутюновой [10].

литарных, нормативных, телеологических) уменьшается по мере того, как дескриптивные признаки закрепляются за значением оценочных предикатов, ср. *Он хороший врач; Морковь полезна* и т.д.

Не нуждающиеся в мотивировке сенсорно-вкусовые, психологические и эстетические оценки всегда имеют для каждого конкретного лица статус субъективной истины. Их можно оспорить, но нельзя опровергнуть. "Аксиологическое утверждение (...) всегда прагматически связано: оно больше характеризует субъекта оценки, чем ее объект" [10, с. 9]. В случае мотивированных оценочных суждений, которые базируются на анализе некоторого набора фактов, оценка может быть неправильной (однако сам субъект оценки этого не осознает) и в дальнейшем подвергнуться коррекции или быть оспоренной собеседником, ср. *Я считал, что он хороший человек, но, как видно, ошибался; Он считает Семена хорошим человеком, но он ошибается.* С оценочным суждением не соединяется представление о возможной ошибке со стороны говорящего, а также о его уверенности/неуверенности, ср. **[Я считаю, что] книга интересная, но могу и ошибаться; *[Я считаю, что] фильм хороший, я в этом уверен/но я в этом не уверен; *[Я считаю, что] книга интересная, но может быть, она и неинтересная.* Ограничения на употребление в отмеченных конструкциях глагола *считать, что ...*, вводящего оценочные суждения, интересны тем, что они полностью совпадают с ограничениями на употребление глагола *знать*, вводящего верифицируемые суждения.

Для говорящего его собственная оценка является аналогом истины, однако он осознает (скорее, всегда должен осознавать), что оценка того же объекта другим человеком может быть иной. Употребление глаголов мнения при оценочных суждениях отражает двойственную природу их истинностного значения.

Эксплицитное употребление глаголов мнения при мнении-оценке в принципе является избыточным (это отражает тот факт, что для говорящего суждение имеет статус аналога истины), ср. А: *Вы читали эту книгу? Интересная?* В: *Интересная.* (Глагол *знать*, который вводит верифицируемые суждения, обладает этим же свойством, ср. А: *Книга продана?* В: *Продана*). С другой стороны, употребление пропозиционального глагола становится возможным, когда говорящий хочет подчеркнуть, что его мнение является субъективным, и он не претендует на то, чтобы остальные люди обязательно его разделяли. При этом модальный показатель становится логически выделенным, ср. А: *Эта книга интересная?* В: *Многие ругают, но по-моему/ я считаю, что интересная.* Употребление глагола *считать*, вводящего оценочные суждения, также как и употребление глагола *знать* при верифицируемых пропозициях, зависит от определенных прагматических факторов.

Сказанное сближает мнение-оценку не с мнением-полаганием, а со знанием. Мнение-оценку можно назвать "субъективным знанием", поскольку оно имеет для говорящего статус субъективной истины. Ряд оценочных суждений вообще не нуждается в мотивировке и не может быть никогда опровергнут.

Суждения, содержащие оценку, могут считаться "субъективным знанием" еще и потому, что они противопоставлены суждениям, выражающим оценку-предположение, которые формулируются субъектом тогда, когда он, в силу отсутствия непосредственного контакта с объектом оценки, может высказать только предположение о тех или иных его качествах. Подобные оценки обязательно должны быть аргументированы, ср. *Я эту книгу не читал, но думаю, что она неплохая. Я вообще люблю этого писателя/ Мне вообще нравится фантастика.*

Сравним два ответа на вопрос. *Этот фильм интересный?* — 1) *Интересный* и 2) *Думаю, что интересный*. Эти реплики истолковываются совершенно однозначно: первая содержит собственно оценочное суждение, вторая — оценку-предположение. (Оценки-предположения, вообще говоря, не являются мнением, ср. *Я эту книгу не читал, но думаю, что она хорошая. *Таково мое мнение.*). При оценке-предположении показатель пропозиционального отношения указывает на особый характер суждения и опущен быть не может, так как это привело бы к искажению смысла высказывания.

В русском языке вводить оценки-предположения могут все глаголы мнения за исключением тех, которые вводят собственно оценочные суждения, ср. *Я эту книгу не читал, но думаю/предполагаю/полагаю, что она хорошая; Сомневаюсь, что она хорошая; но *Я ее не читал, но считаю/ мне кажется, что она хорошая*, также **По-моему, хорошая*. Глаголы мнения, вводящие собственно оценочные суждения (*считать, мне кажется*) и вводящие оценки-предположения (*полагать, предполагать, думать, сомневаться*), находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции.

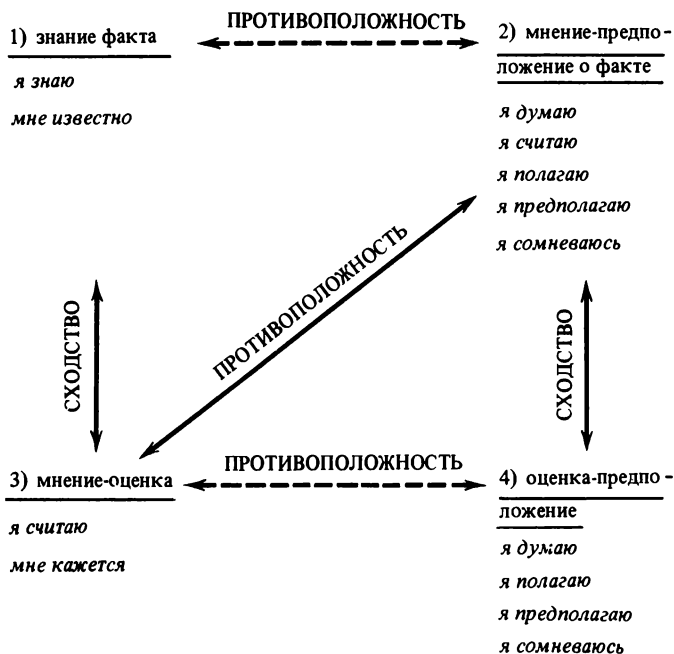
Глаголы, вводящие оценки-предположения, могут встречаться в том же наборе контекстов, который был нами выявлен для глаголов мнения, вводящих верифицируемые суждения. Субъект, высказывая оценку-предположение, может осознавать возможность того, что его суждение ошибочно, а также дополнительно выражать свою уверенность или неуверенность, ср. *Я не читал эту книгу, но думаю, что она интересная, я абсолютно в этом уверен/ хотя я в этом не уверен/ хотя я могу и ошибаться*.

Оценки-предположения поддаются верификации — после непосредственного контакта субъекта с оцени-

ваемым объектом, ср. *Как я и предполагал, книга оказалась интересной.*

Таким образом, мнения-предположения сильно отличаются от мнений-оценок, тяготеющих к суждениям-фактам, и по ряду признаков обнаруживают сходство с верифицируемыми мнениями (оценками-предположениями): в случае мнений-предположений пропозиция имеет не субъективно-истинностную, а вероятностную оценку, высказывание же нуждается в аргументации.

На основе проведенного анализа взаимосвязи между эпистемическими глаголами, вводящими суждения с различными истинностными значениями, можно представить следующим образом.

Из всего сказанного видно, что категории знания и мнения относятся не только к познанию внешнего мира, но и характеризуют вхождение окружающей реальности в личностный мир человека. Такие параметры, как истинностная или вероятностная оценка пропозиции, приемы аргументации суждений, особенности употребления глаголов пропозиционального отношения, вводящих разные типы пропозиций, являются для категорий объективного (фактуального) и "субъективного" ("личностного") знания и мнения общими. Однако простая дихотомия знание/мнение не удовлетворяет целям описания и классификации различных суждений, в которых отражается не только образ мира, но и образ человека. Так, область мнений характеризуется большим разнообразием типов, между которыми иногда трудно провести четкие границы, — это оценки, предположения, прогнозы, гипотезы, убеждения, взгляды, установки и т.д. Многие из указанных видов мнений имеют тенденцию к стабилизации и переходу в разряд "личностного" знания. Без этого не было бы единства личности, и человек дробился бы на множество не связанных между собой действий и поступков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hintikka K.J.* Knowledge and belief: An introduction to the logic of the two notions. Ithaca, 1962.
2. *Ayer A.J.* The problem of knowledge. L.; N.Y., 1956.
3. Knowledge and belief / Ed. by A.Ph. Griffiths. Oxford, 1968.
4. *Prichard H.A.* Knowing and believing // Knowledge and belief. P. 60—68.
5. *Price H.H.* Some considerations about belief // Knowledge and belief. P. 41—59.
6. *Ayer A.J.* Knowledge, belief and evidence // Danish yearbook of philosophy. Copenhagen, 1964. Vol. I. P. 13—22.
7. *Moore G.* Philosophical papers. L.; N.Y., 1959.
8. *Wittgenstein L.* On certainty. Oxford, 1969.
9. *Малкольм Н.* Мур и Витгенштейн о значении выражения "Я знаю" // Философия, логика, язык. М., 1987.

10. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.
11. Вольф Е.М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структуры в семантике слова и высказывания // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1981. Т. 40, N 4.

И.Б. Шатуновский

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ: КОММУНИКАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА, ПРЕЗУМПЦИИ, ПРАГМАТИКА

Коммуникативная перспектива. Эпистемические глаголы (*знать, думать/считать/полагать, верить* и т.д.) описывают одну и ту же ситуацию — наличие в уме субъекта (С) пропозиции (р) вместе с предикатом 'есть (в действительности)' (= 'имеет место' = 'истинно'). Схематически эту ситуацию можно представить так: 'У С есть (в уме) [р есть (в действительности)] = 'С имеет (в уме) [р истинно]' = '...[имеет место р]'. Основные эпистемические глаголы различаются тем, какой компонент указанной схемы они выводят в вершину лексического значения и, соответственно, в коммуникативный фокус предложения: в предложениях с *знать* в коммуникативном фокусе — 'иметь (в уме)'; в предложениях с *думать/считать/полагать* (а также *предполагать, представлять, подозревать, воображать*) — р (содержание р); в предложениях с *верить* в коммуникативном фокусе компонент 'есть (в действительности)': *Сверит, что р* = 'С считает, что р — есть'. Предикаты *допускать, уверен, убежден, сомневаться* добавляют новый компонент к эпистемической схеме — оценка "шансов на истинность" р = 'возможность истинности р' = 'возможность того, что р есть' — и "выносят" его в коммуникативный фокус: *С допускает, что р* = 'С считает, что р возможно'; *С уверен, что р* = 'С считает,

что не р невозможно'; С не уверен, что р = 'С считает, что не р возможно'.

Презумпции. Эпистемические глаголы различаются также набором презумпций говорящего (Г) и С, касающихся компонента 'быть (в действительности)'. Предложения, в которых Г и С различаются, являются контекстом максимальной дифференциации для эпистемических глаголов; предложения, в которых Г и С совпадают (1 л. наст. вр.), образуют своего рода "слабую позицию" для этих глаголов, в которой некоторые семантические различия между ними нейтрализуются (в 1 л. прош. вр. Г и С различаются: *Я думал, что р*, где С — я в прошлом, Г — я в настоящем). При употреблении *знать* и у С, и у Г имеется презумпция истинности р (то же для других фактивных предикатов). В *предполагает* и *подозревает* (с признаком 'плохое' в объекте) у С нет презумпции истинности р, а позиция Г не маркирована. В 1 л. наст. вр. (где Г и С совпадают) эти глаголы наследуют презумпции (позицию) С. *С догадывается, что р* — у С нет презумпции истинности р, у Г есть такая презумпция (*догадался* — и у Г, и у С презумпция истинности р), *догадываюсь* наследует позицию С. *Воображает₁* — у С презумпция истинности р, у Г — презумпция неистинности р, *представляет* — и у Г, и у С презумпция неистинности р. *Воображаю* наследует позицию Г, вследствие этого различия между *воображаю* и *представляю* нейтрализуются. Возможно, из этой синонимии в 1 л. наст. вр. возникает "аналогическое" *воображает₂* — с презумпцией неистинности р и всегда = *представляет*. Глаголы *кажется₁*, *мерещится*, *чудится* подобны глаголу *воображает₁*: у Г презумпция неистинности р, у С — презумпция истинности р. В наст. вр. и с С (=Г) в 1 л. эти глаголы имеют презумпции Г. *Кажется₂* = 'С имеет в

уме (или в поле восприятия) *р*, и не знает, истинно *р* или нет'. Позиции *С* и *Г* здесь идентичны. *Воображать, представлять* и *казаться* и т.п. различаются активностью и пассивностью сознания *С* соответственно, что отражается в их употреблении в активной (*воображать, представлять*) и в пассивной (*казаться* и т.д.) конструкциях.

В *думать/считать/полагать* как позиция *Г*, так и позиция *С* является немаркированной. Иначе говоря, они не выражают ни ка кой оценки компонента 'быть (в действительности)' и обозначают чистое "имение в уме" пропозиции 'имеет место *р*' (порядок слов здесь изменен, чтобы показать, что в фокусе *р*), не отягощенное ни ка кими презумпциями *Г* или *С*. Эти глаголы имеют чисто отрицательную презумптивную характеристику, которая и вообще является какой-то характеристикой только на фоне других, маркированных в этом отношении слов. В частности, ярким свидетельством немаркированности позиции *Г* является тот факт, что глаголы *думает* и т.п. могут сопровождаться наречиями *справедливо, правильно* и *ошибочно*, выражающими оценку истинности *р* говорящим. Если бы эта оценка выражалась еще и в глаголе, то предложение было бы избыточно (как **Он справедливо знает...*) или противоречиво (как **Он ошибочно знает...*).

Прагматика. В некоторых контекстах происходит прагматически обусловленное изменение значения глаголов *думать* и т.д. В 1 л. наст. вр. значение этих глаголов "вырождается", основной компонент их семантики — 'иметь в уме' — становится 'избыточным и редуцируется; глаголы превращаются в показатели модальности *р* (отношения *Г* к *р*) и сближаются с вводными словами. Буквальное значение (1) *Я думаю, что р* = 'Я имею в уме (имеет место *р*)'. Выражение (я) *думаю* является здесь

(в обычном своем значении) излишним, поскольку если я говарю "р", то, следовательно, я имею р в уме. (Не то в случае 2 или 3 л., которое имеет в уме р, но не говорит "р"). Согласно принципу экономии, я должен сказать для выражения смысла (1) просто "р". И если я все-таки говорю (1), то, согласно принципу релевантности, отрицательный компонент 'невыраженность оценки р' "усиливается" (размежевываясь с просто "р", которое значит 'р истинно') до 'возможно, и не р'. Выражение (я) *думаю* конвенционально употребляется для выражения данной импликатуры, и все предложение получает прочтение: 'Я имею в уме (имеет место р), но возможно, и не имеет место р'. Таким образом, (я) *думаю* сближается с *уверен, сомневаюсь* и т.д., отличаясь от них "вводностью", т.е. тем, что фокус на р, а не на 'возможно...'. Если в коммуникативном фокусе, наряду с р, и $\Gamma(=C)$ — *Я думаю — что р; И я так думаю* и т.п., описанного сдвига, по понятным причинам, не происходит.

В прош. вр. при ретроспективной (но не синхронной, возникающей в нарративном режиме) точке отсчета (Е.В. Падучева) в предложениях с глаголами *думать/считать/полагать* возникает коммуникативная импликатура неистинности р, точнее, только тенденция предполагать, что в настоящий момент р не имеет места. Импликатура неистинности р возникает прежде всего в предложениях с С в форме 1 л., а также с С в 3 л., если последний продолжает существовать (и, следовательно, "иметь мнения") в наст. момент, следующим образом. Если Γ продолжает "иметь р" в наст. момент, он должен употребить более краткое и более информативное "р" (для 3 л. — более информативную форму наст. времени); раз он этого не делает, значит, в наст.

момент он не думает, что р. Аналогичная импликатура — в несколько иной форме — имеет место вообще для любого глагола прош. вр.: *Здесь висела картина* имплицитно означает *Сейчас она здесь не висит* (пример Е.В. Падучевой).

В прош. вр. *думать* и т.д. часто практически сливается с *верить*: *В старину люди верили* (=думали), *что Земля плоская*. Как кажется, это происходит потому, что вопрос есть или не есть (в действительности) для прош. времени делается часто неактуальным: он уже решен к настоящему времени. Таким образом, истинность или ложность р переходит в область презумпций и уже не может попасть в коммуникативный фокус. Последний автоматически перемещается на р, тем самым разница между *думать* и *верить* ликвидируется.

Резюме. Различия между эпистемическими глаголами носят "поверхностный" характер и отражают не столько различия в объективных ментальных состояниях людей, сколько различия в коммуникативной перспективе предложений с этими глаголами и в отношении Г к одной и той же объективной ситуации — 'С имеет в уме (р имеет место)'. Тем самым значение этих глаголов представляет не столько философскую или психологическую, сколько собственно языковедческую, синтаксическую проблему.

ИНТОНАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ МЫШЛЕНИЯ

1. ВВЕДЕНИЕ.

Предложения с разными предикатами мышления обнаруживают различия в иллокутивной парадигматике и способах коммуникативной организации и, соответственно, в возможностях интонирования. Эти различия мы рассмотрим на примере трех предикатов: *знать*, *думать* и *быть уверенным*, представляющих основные группы ментальных предикатов (знания, полагания и оценки вероятности). Следует учитывать, что не все описанные ниже свойства этих предикатов характеризуют прочие члены группы, так, предложения с *быть уверенным* существенно отличаются по допустимым интонационным огласовкам от предложений с *сомневаться*. Однако рассмотрение более широкого круга глаголов мышления в рамках данной статьи было невозможно. Другие ограничения: мы не анализируем предложения с отрицательным модусом и не рассматриваем повелительных предложений (о нетривиальных функциях пропозициональных предикатов в таких предложениях см. [1]).

Наше понимание системы интонационных средств и их функций существенно отличается от общепринятого (см. [3], [6]), оно требует краткого изложения (см. также [5]). Ядро интонационных средств составляют три тональных акцента: восходящий (знак \prime), нисходящий (\wedge) и "положительный" (\uparrow)¹. Первые два акцента используются в общих высказываниях:

¹ В некоторых статьях настоящего сборника используется упрощенная двухакцентная система: восходящий акцент (\nearrow) и нисходящий акцент (\searrow). Положительный акцент бывает в них отнесен как к 1-му, так и ко 2-му из этих акцентов.

(1) — Он верну́лся из отпуска?

— Верну́лся.

Нисходящий тон встречается не только в ответах на общий вопрос, но и в спонтанных общих утверждениях — при подтверждении осуществления предполагаемого факта:

(2) — Ваня уже при́ехал.

Для положительного акцента перцептуально важно не скольжение тона на протяжении ударного гласного, а временное смещение с базового тона на более высокий уровень (восходяще—нисходящая фигура). Это наиболее частый из акцентов. Он используется в специальных вопросах и ответах на них, а также в спонтанных специальных утверждениях:

(3) — Ты когд́а к нам приде́шь?

— В суббо́ту.

(4) — Ваня приезжа́ет в суббо́ту.

Из примеров (1) — (4) — видно, что акценты, реализуя иллокутивную характеристику высказывания, выполняют одновременно функцию маркировки ремы. Положительный акцент, кроме того, маркирует новую тему в высказывании любого иллокутивного типа:

(5) — Ива́нов — верну́лся из отпуска?

(6) — Ты к Ива́нову когд́а пойдёшь?

(7) — Я к Ива́нову — не пойд́у больше.

"Сферой действия" иллокутивной или коммуникативной категории и — соответственно — реализующего ее акцента в общем случае является семантико-синтаксическая составляющая, которая может быть выражена как одним, так и несколькими словами (в том числе и целым предложением). Если акцент относится к неоднословной составляющей, то слова внутри нее произносятся быстро и слитно, что демонстрирует просодическую цельность группы. Это отмечается в записи заключением группы

в скобки, которые повторно помечаются знаком акцента:

(8) — Это кто́ был? (Твой ленинградский знако́мый)′?

(9) — (Выставка достижений народного хозяйства)′ — открыта́ сегодня?

Так же и любой другой просодический признак помечается при скобках составляющих.

Уместно здесь указать на отличие нашей иллокутивной систематики от часто цитируемой классификации Балли [2]. У Балли разграничение диктальных (=специальных) и модальных (=общих) высказываний касается лишь вопросов, тогда как оно в равной мере применимо и к утверждениям. Спорным представляется и то, как понимаются "полные" (относящиеся ко всей пропозиции) модальные вопросы. По Балли, полный модальный вопрос — это по существу общий вопрос, сферой действия которого является предикат, например:

(10) — Он пошёл в школу?

Нам кажется, что на этот статус могут претендовать лишь вопросы—гипотезы типа:

(11) — Что случилось? (Водопровод прорвало)₂?

Такой вопрос целиком произносится на повышенном уровне тона, что символизируется цифрой 2 при скобке составляющей.

Вернемся к нашему изложению основных средств и функций интонации. Описанные выше акценты могут подвергаться модификации, которую мы называем "тональной эмфазой". Если акцент относится к однословной составляющей, то эмфаза реализуется удвоением амплитуды тонального изменения, что в записи выражается удвоением знака акцента: „\” и || вместо /, \ и ′ соответственно. Сравните:

(12A) — Вы встретили его вёчером?

— Да, вѣчером.

(12Б) — Вы встретили его именно вѣчером?

— Да, именно вѣчером.

(13) — Он приехал во вторник.

— Ты ошибаешься — в среду.

Типичная функция эмфазы — маркировка элементов сообщения, нарушающих презумпции ("ожидания") коммуникантов, частный случай такого нарушения — контрастивность (см. подробнее [5]).

Акценты могут также подвергаться "модуляции" (обозначается тильдой), которая состоит в более резкой реализации тональных переломов ("заострении" акцентов). Модуляция используется для выражения мнения в противоположность выражению знания. Сравните:

(14А) — Он придет во вторник. ~

(14Б) — Я думаю, он придет во вторник.

(15А) — Он приедет?

(15Б) — Как вы думаете — он приедет?

Для нашей задачи релевантна лишь сказуемая часть предложения с пропозициональными предикатами. Эта компонента синтаксически есть сочетание глагольной группы с дополнением, выраженным вставленной пропозицией, т.е. упрощенно — (VP (S)). Возможные иллокутивно-коммуникативные и интонационные варианты этой структуры при разных предикатах мышления мы рассмотрим по единой схеме: 1) рема — пропозициональный предикат (при этом возможно наличие в S второй ремы); 2) рема — вставленная пропозиция или ее часть. Анализ общих высказываний в обоих пунктах предшествует анализу специальных. Для каждого предиката будут указаны возможности парентетического употребления.

2. ЗНАТЬ.

2.1. Если *знать* является ремой сообщения, то мы обычно имеем дело с общим высказыванием:

(16) — Вы знаёте, что он вернулся?

— (Да) Я знаю, что он вернулся.

(17) — Вы знаёте, что завтра собрание?

— (Да) Я знаю, что завтра собрание.

В приведенных примерах вставленная пропозиция не содержит нового и не несет акцента. Однако пропозициональная группа в вопросе может содержать новое и получать акцент, соответствующий ее иллокуции.

(18) - Вы знаёте, что он уже вернулс^я?

(19) — Вы знаёте, что собрание (перенесли на завтра)?

В этих случаях новое во вставленных предложениях, очевидно, является второй ремой (говорящий полагает, что оно неизвестно слушающему). Однако оно может быть и темой (предположительно известно слушающему, но не было актуализовано в предшествующем дискурсе). В этом случае возможен лишь положительный акцент:

(20) — Вы знали, что он к тому времени уже вернулс^я?

Специальное утверждение при рематическом *знать* возможно при наличии еще одной ремы во вставленной пропозиции:

(21) — Почему вы не назначили на сёмь?

— Потому, что я знал, что в сёмь собрание.

(22) — Я знал, что (без денег ему не обойтис^ь). Поэтому...

Такие предложения объясняют причину других событий.

Что касается специальных утверждений с полностью старым пропозициональным вставлением, то они, очевидно, аномальны.

(23) — *Я знаю, что Ваня вернулся.

Это же верно для аналогичных предложений с *думать* и *быть уверенным*:

(24) — *Я д¹умаю/уве¹рен, что Ваня вернул¹ся.

Такого типа предложения как бы отвечают на маловероятный вопрос вида:

(25) — Какое у вас состояние ума в связи с воз¹вращением Вани?

Абсурдность ответа предложением с эпистемическим предикатом здесь очевидна.

2.2. При актуализации ментального предиката в предшествующей части дискурса он, будучи старой темой, не несет акцента. Единственной ремой является тогда та или иная часть вставленной пропозиции:

(26) — Ч¹то вы о нем зна¹ете?

— Я знаю, что он вернул¹ся. / Я знаю, что он женил¹ся.

Вставленное предложение в этом случае может быть лишь утверждением (общим или специальным) — презумпция наличия знания не сочетается с отсутствием знания, которое демонстрирует вопрос:

(27) — *Вы знаете, что он женил¹ся?

Соответственно, лишь при утверждениях возможно парентетическое употребление *знать*:

(28) - Он, (как вы зна¹ете)^У, вернет¹ся во втор¹ник.

(29) — *Он, (как вы зна¹ете)^У, вернет¹ся во втор¹ник?

Помета У при скобках указывает на особый способ маркировки таких компонент — узкий раствор рта (говорение сквозь зубы). Отметим, что он отличается от способа просодической маркировки "поясняющих" парентез, для которых характерен общий низкий уровень тона (он обозначается нулем при скобках составляющих) при сохранении нейтрального раствора:

(30) — Я вчера видел Ива¹нова, (из политех¹нического). Он (просил тебя зайт¹и).¹

3. ДУМАТЬ.

Глагол *думать* имеет два значения: стативное

(означает наличие в уме представления о возможном факте) и активное (означает целенаправленный процесс мышления по поводу возможного факта). Лишь первый глагол относится к путативным и является прямым объектом нашего анализа. Отметим, что у этого глагола имеется внутренний оценочный компонент: наличие представления о некотором событии предполагает положительную оценку вероятности его наступления.

3.1. Стативное *думать* не может быть ремой общего высказывания:

(31) — *Вы думаете, что он приехал?

(32) — *Я думаю, что он приехал.

Причина этого запрета: наличие идеи, выраженной вставленной пропозицией, уже предполагает думание.

При активном статусе *думать* общие вопросы и ответы, конечно, возможны:

(33) — Вы думаете о том, что вам придется его обслуживать?

К путативному *думать* возможен контрастивный общий вопрос:

(34) — Вы думаете, что он уже приехал? Или вы знаете это?

Однако контрастивные вопросы не есть специфика *думать* — они возможны при всех эпистемических глаголах. Например:

(35) — Вы знали, что он вернулся? Или вы это лишь предполагали?

Отметим еще, что негативные общие утверждения с *думать* нормальны:

(36) — Я не думаю, что он успеет вернуться. Однако здесь на первый план выходит оценочный компонент смысла, это уже не глагол полагания.

Специальное утверждение при рематическом *думать* возможно лишь в случае наличия второй ремы во вставленной пропозиции:

(37) — Я ¹д¹умаю, что он вернется во вт[~]орник. Как уже указывалось выше, специальные предложения с *думать* аномальны, если вставленная пропозиция не содержит нового.

3.2. Если рематический элемент содержится лишь во вставленной пропозиции, то нет никаких ограничений на иллокуцию высказывания:

(38) — А вы д¹умаете, что он вернется во вт[~]орник?

(39) — А я ¹д¹умаю, что он уже верн[~]улся.

(40) — Когда, (по вашему)^y, [~]его можно ждать?

— Я д¹умаю, он вернется во вт[~]орник.

Соответственно, нет иллокутивных ограничений на парентетическое употребление *думать*:

(41) — Он, (я д¹умаю)^y, верн[~]ется во вт[~]орник.

(42) — Он, (вы д¹умаете)^y, во вт[~]орник верн[~]ется?

При парентезе оценочный компонент смысла, очевидно, выходит на первый план (ср. [7]).

Неконтрастивные предложения с путативным *думать* выражают мнение говорящего либо запрос на выражение мнения слушателем. В таких предложениях наблюдается тональная модуляция, маркирующая мнение. Необходимо, однако, отличать высказывания, в которых мнение выражается, от высказываний, в которых о мнении сообщается. Тональная модуляция наблюдается лишь в первом случае, она указывает на перформативный характер модуса мнения. Характерно, в частности, отсутствие модуляции в предложениях с предикатами полагания и эпистемической оценки, когда речь идет о прошлом. Сравните:

(43) — Я д¹умаю, что он вернется в[~]овремя.

(44) — Я д¹умал, что он вернется в[~]овремя, однако случилось иначе.

Устранение модуляции в неперформативных высказываниях о мнении аналогично замене восходящего

акцента на положительный в косвенных общих вопросах (см. [4]). Сравните:

(45) — Он вернётся ко вторнику?

(46) — (Она спросила) Вернётся ли он ко вторнику?

4. БЫТЬ УВЕРЕННЫМ.

4.1. Общие вопрос и утверждение с рематическим *уверен* совершенно нормальны:

(47) — Вы уверены, что он не опоздает?

(48) — Я уверен, что он не опоздает.

В вопросе вставленная пропозиция может содержать новую тему, которая маркируется положительным акцентом (на него переходит модуляция, указывающая на модус мнения):

(49) — Вы уверены, что он не опоздаёт?

Заметим, что вставленной пропозицией при вопросительном *уверен* не может быть общее утверждение:

(50) — *Вы уверены, что он уже приехал?

Причина этого запрета: общее утверждение есть констатация осуществления факта, тогда как вопрос на *уверен* ставит его под сомнение.

Специальное утверждение с рематическим *уверен*, как и с прочими ментальными глаголами, возможно лишь при наличии второй ремы во вставленной пропозиции, причем это обязательно рема общего утверждения:

(51) — Я уверен, что он не опоздает.

4.2. В предложениях, где рематический элемент содержится лишь во вставленной пропозиции, она может являться как общим, так и специальным утверждением:

(52) — А я уверен, что он вернётся.

(53) — (По-вашему) — когда он вернется?

— Я уверен, что он вернется во вторник.

Сравните соответствующие варианты с парентезой:

(54) — Он, (я уверен), вернётся.

(55) — Он, (я уверен)^у, вернется во второ́рник.

Что касается общего вопроса к вставленной пропозиции, то при *уверен*, как и при *знать*, он невозможен:

(56) — *Вы уверены, что он вернётся?

(57) — *Он вернётся, (вы уверены)^у?

Недопустимые вопросы типа (56) не следует смешивать с вопросами—гипотезами, сферой действия которых является вся группа сказуемого:

(58) — Вы что — (уверены, что он вернётся)₂?

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Прагматика и лексикография: прагматическая информация для толкового словаря // Пропозициональные предикаты в лексическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
4. Кодзасов С.В. Интонация вопросительных предложений: форма и функции // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
5. Кодзасов С.В. Тональная эмфаза в русском языке // Proceedings of the XI Intern. Congress of Phonetic Sciences. Tallin, 1987. Vol. 2.
6. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
7. Шатуновский И.Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика. — Наст. сб.

**ВЫВОДИМА ЛИ СПОСОБНОСТЬ
ПОДЧИНЯТЬ КОСВЕННЫЙ ВОПРОС
ИЗ СЕМАНТИКИ СЛОВА?**

*Вопросительное значение
пропозиционального глагола*

Многие глаголы с пропозициональным актантом способны подчинять также и косвенный вопрос (КВ), выступая при этом в несколько ином, "вопросительном", значении, ср. *Я знаю, к кому он пошел; Я думаю, что мне взять с собой*. В то же время есть и такие пропозициональные глаголы и предикативы, которые с КВ не сочетаются — **Я считаю, к кому он пошел; *Я уверен, кто это сделал*. Кроме того, КВ могут подчинять и не пропозициональные глаголы — такие, как *спросить*. Проблема состоит в том, является ли способность подчинять КВ непредсказуемым свойством каждого отдельного слова (и тогда слова с этим синтаксическим признаком могут быть заданы не иначе как списком) или же у всех слов с валентностью на КВ можно обнаружить какую-то семантическую общность, т.е. общий компонент в семантическом разложении. В последнем случае валентность на КВ может быть выведена из семантики слова.

Общая проблема о возможности вывода сочетаемостных свойств слова из его семантики¹ ставится в ряде работ Ю.Д. Апресяна, например, в [1]. Часто она решается отрицательно. Мы попытаемся показать, что у слов данного сочетаемостного класса

¹ Ср. проблему семантической характеристики класса предикатов, допускающих перформативное употребление; род. падеж подлежащего; конструкцию с "подъемом отрицания" и мн. др.

есть общий семантический компонент, обуславливающий сочетаемость.

Чтобы говорить о семантических компонентах КВ-предикатов, надо прежде всего иметь семантическое представление для конструкции с КВ. Основываясь на предложениях Оквиста-Хинтиikki [2], мы принимаем следующую семантическую трактовку КВ.

Косвенные вопросы, как и независимые вопросы, могут быть двух видов — специальные и дизъюнктивные, в частности общие. В случае специального вопроса глубинным объектом предиката, подчиняющего КВ, является пропозициональная форма, т.е. пропозиция со свободной переменной, причем квантор по этой переменной не входит в сферу действия подчиняющего предиката. Так, предложения (1а), (2а) имеют семантические представления (1б), (2б):

(1) а. *Я знаю, кто это сделал.*

б. $\exists! X$ (Это сделал X & Я знаю, что это сделал X).

(2) а. *Она знает, кто голосовал против.*

б. $\forall X$ (X голосовал против \rightarrow Она знает, что X голосовал против).

Общий КВ представляется как дизъюнкция вида $P \vee P$ (где P — пропозициональное содержание КВ), тоже не входящая в сферу действия подчиняющего предиката. Так, для предложения (3а) семантическое представление задается перефразировкой (3б):

(3) а. *Она скажет тебе, есть ли билеты.*

б. Если билеты есть, она скажет тебе, что они есть; если билетов нет, она скажет тебе, что их нет.

Существенно, что в семантическом представлении КВ-глагол употреблен уже не в вопросительном, а в обычном значении; т.е. предлагаемая перефразировка элиминирует не только КВ, но и вопросительное употребление глагола.

Впрочем, вопросительное употребление не всегда можно элиминировать на лексемном уровне. Напри-

мер, глагол *расследует* надо сперва представить как 'действует с целью узнать'; тогда *Иван расследует, кто голосовал против* = 'Иван действует с целью узнать про каждого X, который голосовал против, что он голосовал против'. Аналогично, глагол *интересуется* должен быть представлен как 'хочет знать'.

В одних случаях различие между утвердительным и вопросительным значением меньше (как для *знать*), в других — больше (как для *думать*). То, что пропозициональные глаголы имеют в контексте КВ особое значение (вопросительное), подтверждается невозможностью соединения КВ и пропозиционального дополнения в сочинительную группу: **Я знаю, куда они идут и что они должны торопиться*; **Он объявил, что собрание состоится и кто в нем будет участвовать*. Возникает коллизия, состоящая в том, что один из сочиняемых членов требует понимания глагола в утвердительном значении, а другой — в вопросительном.

Противопоставление утвердительного и вопросительного значения пропозиционального глагола определяется различным характером их объектных актантов — в одном случае это замкнутая пропозиция, а в другом — пропозициональная форма. Это противопоставление ясно проявляется в различных возможностях прономинализации:

(4) а. *Я сказал ему, что Иван голосовал против, но он это не поверил.*

б. **Я сказал ему, кто голосовал против, но он это не поверил.*

Прономинализация в (б) невозможна потому, что нет пропозиции, которая могла бы быть антецедентом для местоимения *это*.

Противопоставление вопросительного и утвердительного значения пропозициональных глаголов ясно

проявляется в их различном поведении в контексте глаголов мнения, ср.:

(5) а. *Иван воображает, что он знает, куда я уехала.*

б. **Иван воображает, что он знает, что я уехала в Рязань.*

В (б) презумпция истинности, которая сопутствует глаголу *знать* (в обычном, т.е. невопросительном его употреблении), приходит в противоречие со значением глагола *воображать*, который показывает, что состояние знания, в котором пребывает Иван, является неоправданным; в самом деле, как состояние знания у Ивана может быть неоправданным, если есть презумпция, что именно таково истинное положение вещей. Между тем предложение (а), не содержащее никаких презумпций, допускает вполне естественное понимание: Иван считает (а точнее — находится в субъективном состоянии знания, см. [10]), что я поехала в некоторое место X, а говорящий знает, что это неверно. Аналогично: *Он считает, что знает, где я*, но **Он считает, что знает, что я в Рязани.*

Уточнения в постановке задачи

Мы исключим из рассмотрения такие КВ-предикаты, которые имеют не один, а два подчиненных КВ (и потому, скорее всего, другую семантику) — в основном это слова, выражающие зависимость между значениями двух переменных или между значением переменной и истинностным значением пропозиции, такие как *влияет, зависит, определяется, отражается, проявляется, соответствует, сказывается на, является функцией от*; ср.: *Кто принимает участие в конференции, зависит от того, где она проводится* (пример из [3]). К тому же классу относятся КВ-предикаты *важно, существенно, играет роль, безразлично, все равно, независимо от*,

только у них 2-й КВ-актант не имеет эксплицитного выражения. Ср. также предикат с множественным КВ-актантом — *различаются: Детали различаются тем, куда направлена нарезка.*

Кроме того, не принимаются во внимание слова, которые способны подчинять КВ только через посредство соотносительного местоимения *то* — таковы, в частности, все существительные. В самом деле, существительное часто отличается по сочетаемости с КВ от соответствующего глагола, ср. **Я считаю, кто придет первым — У меня есть мнение относительно того, кто придет первым; *Он предполагает, кто это сделал — У него есть предположения относительно того, кто это сделал; *Они не согласились (не заключили), куда его можно направить — Они не пришли к согласию (к заключению) в отношении того, куда его можно направлять.* Дело в том, что *то* в подобных контекстах может служить заменой для слова *вопрос*, а способность глагола подчинять существительное *вопрос* — это уже другая проблема.

Уточнения требует само по себе синтаксическое свойство КВ-предикатов — что значит, что слово способно подчинять КВ?

1) Глагол может допускать подчиненный специальный вопрос и не допускать общего (обратное, по-видимому, невозможно). Так, допустимо *показал, где; выучил, кого с чем поздравлять; догадался, зачем; нашел, куда* при невозможности или сомнительности общего КВ для этих глаголов, равно как и для таких слов, как *выявил, изучил, объяснил, предупредил, рассказал, сознался, признался, планирует.*

2) Некоторые слова свободно допускают общий КВ в контексте отрицания или вопроса, а в утвердительном предложении КВ невозможен или неестествен, иначе как в "мощном" контексте (опять-таки, обрат-

ного не бывает); ср. *Мне не ясно, пойдет ли он с нами* и *?Мне ясно, пойдет ли он с нами; Он не упомянул, были ли посторонние* и *?Он упомянул, были ли посторонние; Я не заметил, пришел ли шеф* и *?Я заметил, пришел ли шеф; Не знаю, будет ли банкет* и *?Знаю, будет ли банкет.*

3) Как известно, параметрические имена (такие, как *объем, способ, причина*, см. [4]) могут выступать в роли свернутого КВ (*Он знает разницу* = *Он знает, в чем разница*)². При этом некоторые слова способны подчинять параметрическое имя и не могут подчинять полный КВ; так, возможно *выявил опоздавших, изучил происхождение, постиг смысл, сформулировал различие, раскрыл содержание, изыскал способ*, но не **выявил, кто опоздал* и т.д. Обратное соотношение бывает (ср. **ответил причину* и *ответил, какова причина*), но редко.

Мы считали КВ-предикатами такие слова, которые допускают хоть какой-нибудь КВ хоть в каком-нибудь контексте.

Семантические типы КВ-предикатов

Предикаты, подчиняющие КВ, можно распределить по трем семантическим классам.

1. Ментальные глаголы.

а) Глаголы ментального состояния (states), такие как *знает, замечает, догадывается, интересуется, удивляется, помнит, понимает, ждет, соображает, принимает во внимание, сознает, осознает, осведомлен, предупрежден; интересно, любопытно, забавно, заслуживает внимания, интригует.*

² Параметрические имена понимаются при этом расширительно — в функции свернутого КВ может выступать любая атрибутивная дескрипция, ср. *Адресат этого стихотворения неизвестен; Он даже не знает исполнителя главной роли.*

б) Глаголы мыслительной деятельности (activities) и мыслительного скачка (achievements), такие как *вспоминает—вспомнил, взвешивает—взвесил, вскрывает—вскрыл, выбирает—выбрал, вычисляет—вычислил, выводит—вывел* ('сделал вывод'), *выявляет—выявил, учит—выучил, выясняет—выяснил, догадался, доказывает—доказал, думает* (с целью принять решение), *забывает—забыл, заметил, изыскивает—изыскал, ищет, исследует—исследовал, изучает—изучил, нашел, объясняет—объяснил, обнаружил, оценил* ('выяснил размеры'), *проанализировал, определяет—определил, осознал, понял, планирует—спланировал, проверяет—проверил, показывает—показал, рассчитывает—рассчитал, размышляет, расследует—расследовал, решает—решил, обдумывает—обдумал, убедился, устанавливает—установил, узнает—узнал* (в том числе в значении 'идентифицировал'), *уточняет—уточнил, угадывает—угадал, прониюхал*.

2) Глаголы говорения (т.е. сообщения, требования и утаивания информации), такие как *сказал, доложил, написал, напомнил, оповестил, отметил, обсудил, ответил, объявил, оговорил, описал, отчитался, предсказал, предупредил, признался, проинформировал, рассказал, скрывает, сознался, сообщил, спросил, расспросил, указал, показал, упомянул, хранит в тайне; поспорил, договорился* (и все парные глаголы несов. вида).

Глаголы говорения легко переходят в группу ментальных; например, *объяснил* может означать не 'сообщил объяснение', а 'предложил, нашел объяснение'.

3) Глаголы чувственного восприятия, такие как *увидел—видит, услышал—слышит, почувствовал—чувствует, следит—проследил, смотрит, рассматривает—рассмотрел, заметил; ср. также посмотрим, увидим*. Сюда же можно отнести глаголы "перцеп-

тивного поиска” (по Киферу [5]) — *слушает* (*Он слушает, не пройдет ли кто-нибудь*), *прислушивается*, *вынюхивает* и под.

В работах [5] и [6] к числу КВ-предикатов отнесен ряд слов с эмотивным значением — *поражен*, *поразительно*, *потрясен*, *восхищен*, *обеспокоен* и др. (Peter was amazed what this would lead to; Everybody was surprised at where the bride had gone). Однако фразы типа *Это поразительно, какая она ловкая*; *Я был потрясен, как быстро она с ним справилась* содержат не косвенный вопрос, а то, что можно назвать “косвенным восклицанием”: переменная в пропозициональной форме связана здесь оператором ‘очень’, который входит в сферу действия эмотивного предиката, а не находится вне ее, как должно было бы быть в случае КВ³. Аналогично для предложения *Меня возмущает, кого он пригласил на ужин* (находящегося на грани литературной нормы), где *кого* ≈ ‘очень плохих людей’. Во фразе *Поражаюсь, как он мог это сделать* тоже нет КВ: как не является здесь заместителем какого бы то ни было члена подчиненного предложения. Предложения *Меня беспокоит, кто будет варить обед*, *Меня смущает, где я буду ночевать*, *Меня мучает, закрыл ли я дверь* эллиптически: беспокоит, мучает, смущает незнание ответа на вопрос, а не сам вопрос.

Семантический компонент “знание”

Общим для всех слов (или употреблений), подчиняющих КВ, является семантический компонент “знание”. Это обстоятельство отмечалось эпизодически разными

³ Косвенные восклицания возможны также при ментальных и перцептивных глаголах, ср. *Ты не представляешь, кого он у себя принимал*; *Ты не учиываешь, сколько ей лет*; *Ты понял, какого человека ты оскорбил?*; *Я сам видел, как она любит купаться*.

учеными: Вендлер [7] противопоставил глаголы знания и глаголы мнения как, соответственно, способные и неспособные подчинять КВ; Кифер [5] разделил КВ-предикаты на две группы — одни связаны с когнитивной установкой ЗНАНИЕ, другие — с установкой НЕЗНАНИЕ. Еще раньше связь способности подчинять КВ с семантическим компонентом "знание" отмечается Бейкером [8]. Однако подробно эта связь не исследовалась⁴.

Рассмотрим несколько аргументов, подтверждающих связь способности подчинять КВ с семантическим компонентом "знание".

1) Из глаголов ментального состояния подчиняют КВ только те, которые связаны с состоянием знания, в противоположность мнению; так, все типичные глаголы мнения — *считает, думает <что>, полагает, допускает, предполагает, верит, <ему> кажется, убежден, уверен, воображает* — не допускают КВ. Из глаголов мыслительной деятельности к КВ-предикатам принадлежат только те, которые связаны с приобретением, хранением и утратой знания, со стремлением получить знание и т.п. Не допускают КВ лишь некоторые слова, выражающие "выводное" знание (такие как *заключает, пришел к выводу, решил* — в значении 'задачу', ср. **Ты решил, сколько яблок осталось в корзине?*).

2) Для глаголов восприятия связь с приобретением знания (притом именно знания, а не точки зрения или мнения) — факт, давно установленный философами; ср. об этом также [9].

⁴ В принципе, следует еще уточнить, что компонент "знание" занимает в семантике КВ-предиката некоторую центральную позицию — так, семантика эмотивов также включает подобный компонент, но в периферийной позиции, так что эмотивы неспособны подчинять КВ.

3) Интересный класс составляют глаголы говорения, которые не все подчиняют КВ. Слово *утверждать*, например, в отличие от *говорить*, не относится к КВ-глаголам; при этом оно отличается от *говорить* именно тем, что не означает сообщения знания, а подчеркивает личную ответственность говорящего за сказанное; ср. также *отрицать*, *заметить* в значении 'упомянуть мимоходом', которые не подчиняют КВ.

4) В пользу того, что компонент "знание" является семантической константой для КВ-предикатов, свидетельствует следующее наблюдение Вендлера [7]. Глагол *говорить* в контексте подчиненного КВ однозначно понимается как 'сообщать истину'; т.е. подчиненный КВ "высвечивает" в этом глаголе то значение, которое связано с истиной, а следовательно — со знанием, а нефактивное значение в контексте КВ исключено. Ср. (1а) *Он сказал мне, что живет у матери* и (1б) *Он сказал мне, где он живет*: смысл фразы (1б), с КВ, не допускает, что он мог соврать, хотя (1а) отнюдь не исключает такой возможности. Число примеров такого рода легко умножить.

Так, фраза (2а) *Он подозревает, что деньги взял Иван*, с пропозициональным актантом, допускает два понимания — фактивное (с ударным *подозревает* и с субъектом в 3-м лице), когда подозрения соответствуют действительности, и нефактивное, когда действительное положение вещей неизвестно говорящему (см. [10]). Однако подчиненный КВ возможен у *подозревать* только при первом из этих значений: фраза (2б) *Он подозревает, кто взял деньги*, с КВ, означает, что он близок к истине (известной говорящему).

Далее, возможно (3а) *Я придумал, у кого взять деньги*, но не (3б) **Я придумал, кто взял деньги*, поскольку в (3а) речь идет о том, что человек

в результате размышления пришел к знанию плана своих действий, а в (3б) *придумал* не выражает знания. Аналогично, допустимо (4а) *Я решил, кого взять с собой*, но не (4б) **Я решил, какой фильм будет самый интересный* (поскольку по поводу интересности фильма можно иметь только мнение). Подчиненный КВ как бы выжимает компонент "знание" даже в эпизодических употреблении слов, у которых этого компонента изначально нет; ср. *Чарский с беспокойством ожидал, какое впечатление произведет первая минута* ('ждал с целью узнать'); *Я посоветовал ему, что почитать* ('сделал так, чтобы он знал').

Несколько глаголов требуют, в связи с предложенным анализом, дополнительных комментариев.

а) Общий КВ иногда употребляется при глаголе *сомневается* ≈ 'не уверен', который заведомо не содержит компонента "знание": (5) *Я сомневаюсь, идти ли мне к нему*. Однако такие употребления "нелогичны": вместо (5) лучше сказать *Я не решил (колеблюсь), идти или не идти*. Заведомо невозможен КВ, когда пропозициональное содержание придаточного не находится под контролем субъекта установки, ср. **Сомневаюсь, вернутся ли они к ужину*. В английском языке глагол *doubt* 'сомневаться' регулярно употребляется с КВ в таких контекстах, ср. *I doubt whether they will be back for dinner* 'Сомневаюсь, чтобы они вернулись к ужину', букв. "Сомневаюсь, вернутся ли они к ужину". Все эти факты можно рассматривать как смешение на уровне поверхностного синтаксиса: пропозиция с нейтральной модальностью (см. [11], с. 200), которой требует смысл глагола со значением 'сомневаться', оформляется как общий КВ.

б) Глагол *удивляется* допускает КВ, хотя может быть отнесен к эмотивным. По-видимому, в тех слу-

чаях, когда он подчиняет КВ, он имеет смысл 'не может понять' (*Сам удивляюсь, за что меня туда послали; Удивляюсь, куда он пропал*) или просто выражает иллюкутивную функцию вопроса (*Удивляюсь, откуда Вы знаете мое имя*).

в) Глагол *догадывается* во всех своих употреблениях — как с пропозитивным актантом, так и с КВ — связан с идеей знания: *Он догадался* включает компонент 'Он знает'; *Он догадывается* ≈ 'Он близок к истине', т.е. 'Он близок к знанию'. *Я догадываюсь* ≈ 'Мне кажется, что я знаю' (где *знаю* = 'нахожусь в состоянии знания', см. [12]); ср. типичный для этой фразы контекст *Мне кажется, я догадываюсь* = 'Мне кажется, я, путем догадки, знаю'. Сочетание *Я подозреваю* (с субъектом в 1-м лице), на первый взгляд близкое к *Я догадываюсь*, не включает компонента "знание". Если считать, что литературная норма допускает употребления *Я подозреваю, где; Я подозреваю, кто* и т.п., то глагол *подозревать* с 1-м лицом субъекта оказывается единственным семантическим исключением в классе КВ-предикатов.

Предложенный анализ оставляет без объяснения факт затрудненной сочетаемости глаголов типа *знать* с общим вопросом. Поскольку речь идет все-таки не о полном запрете, следует, скорее, искать прагматических объяснений. Возможно, дело в том, что знание, состоящее в выборе из двух альтернатив, менее информативно: специальные вопросы, где множество выбора состоит из двух элементов, тоже могут быть, в контексте *знать*, неестественны, ср. *Я знаю, кто у нее родился* (в ситуации "мальчик или девочка?").

Вендлер, работы которого больше чем чьи бы то ни было стимулировали интерес к семантике КВ-предикатов (см. [7] и др.), ограничивается противопоставлением "знание — мнение". Однако слова с компонентом "знание" противопоставлены не только

предикатам мнения, но и многим другим семантическим классам предикатов с пропозициональным актантом — глаголам говорения, побуждения, обязательства, каузации, эмотивным и др. Поэтому выявление семантической доминанты класса КВ-предикатов — это одна проблема, а поголовная неспособность подчинять КВ у глаголов мнения — другая.

Чтобы объяснить отсутствие КВ при глаголах мнения, следует учесть, что КВ-предикаты имеют, кроме семантической, еще и коммуникативную доминанту. Основная акцентная модель для КВ-предложений характеризуется главным фразовым ударением на подчиняющем предикате, а придаточное остается заударным компонентом, лишенным значимых акцентов: *Я узнал\, куда перевели библиотеку.* В качестве вторичной допускается также интродуктивная акцентная модель, при которой главный предикат получает второстепенное ударение (*Я узнал/, куда перевели библиотеку*), но она возможна не для всех предикатов и не во всех употреблениях (например, для фразы *Я догадываюсь\, кто это сделал* основная акцентная модель — практически и единственно возможная). Для КВ-предложений абсолютно невозможна, однако, акцентная модель, при которой главный предикат лишен даже и второстепенного ударения. Между тем, именно эта модель является основной для всех предикатов мнения (кроме, быть может, *уверен, убежден*): *Я считаю, что погода испортится*. Так что если бы предикаты мнения входили в класс КВ-предикатов, они были бы вопиющим акцентным исключением в этом классе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки лексем // Russian linguistics. 1985. Vol. 9, N 2—3.
2. Хинтиikka Я. Вопрос о вопросах // Философия в современном мире. М., 1974.
3. Boguślawski A. Indirect questions: one interpretation or more? // Linguistica silesiana. Katowice, 1979. Vol. 3.
4. Падучева Е.В. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1980. Вып. 20.
5. Kiefer F. Questions and attitudes // Crossing the boundaries in linguistics. Dordrecht; Reidel, 1981.
6. Karttunen L. Syntax and semantics of questions // Questions. Dordrecht; Reidel, 1978.
7. Vendler Z. Telling the facts // Speech act theory and pragmatics. Dordrecht; Reidel, 1981. Рус. пер. в кн.: Философия. Логика. Язык. М., 1987.
8. Baker C.L. Notes on the description of English questions // Foundations of language. 1970. Vol. 6.
9. Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.
10. Зализняк Анна А. К проблеме фактивности глаголов пропозициональной установки // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: Тезисы докл. М., 1987.
11. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
12. Зализняк Анна А. Знание как единица семантического языка // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Школа-семинар "Кутаиси-85". М., 1985.

Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев

ВОПРОС О КОСВЕННЫХ ВОПРОСАХ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ УСТАНОВЛЕННЫМ ФАКТОМ ИХ СВЯЗЬ С ФАКТИВНОСТЬЮ?

Исследование предикатов пропозиционального отношения предполагает установление закономерностей их совместной встречаемости с тем или иным типом подчиненной предикации. Для логического (концептуального) анализа наиболее важны связи, определяемые семантикой, а для полного лингвистиче-

ского описания предложений с пропозициональными предикатами интересны любые сочетаемостные особенности, чем бы они ни определялись. В любом случае естественно стремиться к выявлению наиболее общих закономерностей, т.е. к описанию, имеющему максимальную объяснительную силу.

В качестве одного из критериев классификации пропозициональных предикатов предлагалось использовать их способность/неспособность подчинять "косвенный вопрос" (см. [10]).

Следует, однако, иметь в виду, что термин "косвенный вопрос" (и синонимичные ему термины — такие, как придаточное, вводимое "вопросительно-относительным местоимением" или — в англоязычной лингвистике — так называемыми *wh*-словами) нередко употребляется в литературе без должной дифференциации. Между тем соответствующие предложения существенно неоднородны.

Отграничение косвенно-вопросительных предложений от внешне сходных придаточных других типов. От косвенно-вопросительных предложений следует, в частности, отличать "косвенно-восклицательные". Различие между ними лингвистически существенно, хотя иногда они могут формально совпадать. Так, предложение (1), включающее в свой состав "косвенно-восклицательное" придаточное, отличается по ряду признаков как от предложения (2), так и от предложения (3):

(1) *Поразительно, как долго продолжалась голодовка доктора Хайдера;* (2) *Корреспондента спросили, как долго продолжалась голодовка доктора Хайдера;* (3) *Медицине точно известно, как долго может продолжаться голодовка без ущерба для здоровья.*

Семантическое различие состоит, в частности, в том, что в предложении (1) слово *долго* обозначает длительный отрезок времени, существенно превыша-

ющий норму (иначе было бы неуместно "воскликать"), тогда как в (2) и в (3) оно является просто названием соответствующего параметра. С этим связано то, что в "косвенно-восклицательное" придаточное может быть введен интенсификатор, а в косвенно-вопросительное его ввести нельзя. Так, предложение (1) вполне возможно, тогда как предложение (2) аномально:

(1) *Поразительно, как невероятно долго продолжалась голодовка доктора Хайдера;* (2) **Корреспондента спросили, как невероятно долго продолжалась голодовка доктора Хайдера.*

Другое различие состоит в том, что "косвенные восклицания" не совместимы с состоянием незнания субъекта пропозициональной установки относительно положения дел, описываемого соответствующей пропозицией, тогда как для одного из двух других упомянутых типов предложений, а именно — для (2), такое состояние, напротив, естественно.

Еще более очевидна необходимость вывести из круга предложений с косвенным вопросом внешне иногда не отличимые от них эллиптические предложения с изъяснительным (или, может быть, определенным) придаточным, как, например (4):

(4) *О, если б ведала она, что уж узнала вся Украина!* (Пушкин).

В наиболее естественном прочтении предложение (4) говорит о том возможном мире, альтернативном действительному, в котором Мария владеет теми сведениями, которыми владеет вся Украина. Гораздо менее вероятно (хотя и не исключено) то прочтение, которое допускает, что содержание знаний Марии (в действительном мире) тождественно содержанию знаний всей Украины, но что она не знает, что именно известно всей Украине (это может быть важно по тем или иным причинам).

Следует отметить, что в русском языке смысл первого типа обычно выражается с помощью местоименного коррелята, занимающего соответствующую синтаксическую позицию в главном предложении, как в примере (5), а смысл второго типа — при помощи одиночного вопросительно-относительного местоимения (или наречия), как в примерах (6) или (7):

(5) *Да откуда же вы, что вы не знаете того, что уже знают все кучера в городе?* (Л. Толстой);

(6) *Я заранее знал, что он будет говорить в свое оправдание;* (7) *Мне было известно, где он был.*

Однако это правило не строгое и может нарушаться "в обе стороны". Примером нарушения первого типа служит приведенное выше предложение (4): оно не содержит косвенного вопроса (в том значении, которое имел в виду Пушкин), хотя в главном предложении и нет местоименного коррелята (именно поэтому оно и может считаться эллиптическим). Обратное нарушение демонстрирует пример (8), в котором придаточное, скорее всего, должно прочитываться как косвенно-вопросительное, а не изъяснительное, несмотря на наличие в главном предложении местоименного коррелята *все*:

(8) *О, Сердцевед, Ты видишь все пути И знаешь все, что я скажу, заране* (Н. Бараташвили, пер. Б.Л. Пастернака).

Двумысленность, таким образом, возникает нечасто, но в принципе она возможна. Ср., например, предложение (9):

(9) *Вчера Штирлиц обнаружил, что Мюллер обнаружил неделю назад.*

В зависимости от просодического контура, порядка слов, частиц это предложение может значить либо то, что (9') Штирлиц обнаружил, каковы те сведения, которыми неделю назад стал обладать Мюл-

лер (при этом сам Штирлиц мог располагать ими и раньше), либо то, что (9'') Штирлиц обнаружил вчера те (ранее неизвестные ему) факты, которые Мюллер обнаружил неделю назад. В первом случае Штирлиц и Мюллер обнаружили разные вещи, во втором — они обнаружили одно и то же.

Указанная неоднозначность обычно разрешается средствами контекста. Ср., например, предложение (10), сопоставимое с пониманием (9') приведенного выше примера (9), и предложение (11), сопоставимое с пониманием (9''):

(10) *Штирлиц знал теперь, что (именно) знал об этом деле Мюллер, и отвечал на его вопросы соответственно;* (11) *Штирлиц знал теперь об этом деле, что знал Мюллер, но хотел знать больше.*

Нетрудно видеть, что предложения типа только что приведенного примера (11) или приводившегося выше (5) *Как же вы не знаете того, что уже знают все кучера в городе?* (а также (4) — в естественном прочтении, и (9'')) соответствуют по структуре предложениям, в состав которых входит придаточное с относительным *что*, типа (12) или, скажем, (13): (12) *Как же вы не купили того, что купили все?;* (13) *Охотно мы дарим, что нам не надобно самим,* отличаясь от этих последних только интенциональностью объекта. Они, таким образом, не имеют отношения к косвенным вопросам и в дальнейшем не рассматриваются.

Что касается предложений типа (10) *Штирлиц знал теперь, что именно знал об этом деле Мюллер* или (7) *Мне было известно, где он был* (а также типа (3), (4) — во втором прочтении, (6), (8), (9')), то они, скорее, сходны с предложениями вроде (14) *Штирлиц спрашивал себя, что мог знать об этом деле Мюллер* или (15) *Мне было интересно, где он был,* с которыми они обычно и объединяются

в один класс "косвенных вопросов". Мы будем следовать этой традиции, то есть будем называть косвенно-вопросительными и предложения типа (1) *Мне интересно, куда он поехал*, и предложения типа (2) *Мне известно, куда он поехал*.

Тем не менее между этими двумя типами имеются значительные различия (обычно не отмечаемые), которым мы и собираемся посвятить следующий раздел (еще один раздел будет посвящен вопросу о связи между "косвенной вопросительностью" и фактивностью подчиняющего предиката).

Два типа косвенно-вопросительных предложений. Различие между значением предложений типа (1) *Мне интересно, куда он поехал* и (2) *Мне известно, куда он поехал* состоит, в частности, в следующем.

В предложении (1) объектом установки (содержанием ментального состояния переживающего субъекта, в данном случае — говорящего) является именно вопрос; иными словами, косвенно-вопросительное придаточное соответствует вопросу в сознании субъекта установки.

В то же время в предложении (2) объект установки — это суждение, служащее ответом на данный вопрос, поэтому можно говорить, что косвенный вопрос скрывает здесь за собой положительное суждение (знание) субъекта. Таким образом, объект установки полностью эксплицирован в (1) *Мне интересно, куда он поехал*, тогда как в (2) *Мне известно, куда он поехал* объект установки (здесь — предмет знания) эксплицитно не сформулирован. Предикаты, подчиняющие косвенный вопрос с собственно вопросительным значением (типа *интересно*), свидетельствуют о незнании субъектом ответа на вопрос. Поэтому их можно назвать "игноративными" предикатами. Предикаты, которые подчиняют косвенно-вопросительное придаточное, скрывающее за собой

не эксплицированное положительное суждение субъекта установки, назовем предикатами положительного суждения.

Примеры предикатов положительного суждения: *знать, понимать/понять, сообразить, догадаться, выяснить, решить, сообщить, сказать, договориться, известно, понятно, легко видеть* и мн. др. Примеры "игноративных" предикатов: *интересоваться, размышлять, думать* (в значении мыслительной деятельности, а не состояния), *спрашивать/спросить, (по)любопытствовать, решать* (в отличие от *решить*), *вспоминать* (*мучительно вспоминать* — в отличие от *вспомнить*), *недоумевать* и т.п.

Предикаты положительного суждения в контексте модального оператора (отрицания, вопросительности, ирреального наклонения, будущего времени, императивности и т.п.) могут функционировать сходно с игноративными предикатами — таким образом, предикаты типа *не знать* относятся к игноративным. Ср. также: *Они решили* (предикат положительного суждения), *кто пойдет за хлебом* — *Нужно решить* (игноративный предикат), *кто пойдет за хлебом*. Таким образом, названные выше условия предусматривают переход "исконных" предикатов положительного суждения в игноративные. В то же время возможны случаи, когда в сферу действия модального оператора включается предикат положительного суждения вместе с подчиненным косвенным вопросом, уже получившим значение скрытого суждения.

Знание и незнание принципиально различны с философской, с житейской и с лингвистической точки зрения [2, 125]. О лингвистической существенности этого различия — во всяком случае, что касается русского языка — свидетельствует и целый ряд особенностей языкового оформления косвенных вопросов в контексте предикатов положительного сужде-

ния, с одной стороны, и игноративных предикатов — с другой.

Так, игноративные предикаты могут подчинять не только частные (как в (3)), но и общие косвенные вопросы (с частицей *ли* — (4—7)):

(3) *Кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда прыгнуть* (Пушкин); (4) *Она спросила, Давно ль он здесь, откуда он И не из их ли уж сторон?* (Пушкин).

Нередко в общем косвенном вопросе используется частица *не*:

(5) *Он все гадал, не это ли магазин, где он будет служить* (Набоков), (6) *Все чаще думаю, не поставит ли лучше точку пули в моем конце* (Маяковский); (7) *Ну что ты все чиновник, чиновник, а не любит ли он выпить, вот, мол, что скажи* (Гоголь).

В предложениях с предикатами положительного суждения общий косвенный вопрос обычно звучит неестественно: (4') *?Он сообщил ей, давно ль он здесь;* (5') *?Он догадался, тот ли это магазин, где он будет служить.*

Совсем невозможно употребление общего вопроса в отрицательной форме: (4'') **Он сообщил ей, не из их ли он сторон;* (5'') **Он знал, не это ли магазин, где он будет служить.*

Вместо общего косвенного вопроса используется частный ((4''') *он сообщил ей, из каких он сторон*) или — в случае необходимости (нередко в полемическом контексте) — косвенный альтернативный вопрос: *Я сам знаю, идти мне или нет.*

Лишь в контексте игноративных предикатов могут использоваться и другие показатели, специфичные для вопросов: частицы *же*, *это* (*кто же*; *где это*), редупликации типа *какой-такой*:

(8) *Интересно, где это (где же) они были;* (9) *Любопытно, зачем это он лезил;* (10) *Не пойму, куда*

же я дела очки; (11) Ну-с посмотрим какие-такие ваши секреты, барышня; (12) Он хотел разобратся, почему же он ей пришлось по вкусу (Набоков).

Это невозможно для предикатов положительного суждения:

*(8') *Я знаю, где это (где же) они были; (10') *Он вспомнил, куда же он дел очки; (11') ?Я прекрасно вижу, какие-такие ваши секреты, барышня; (12') *Он хорошо представлял себе, почему же он ей пришлось по вкусу.*

В косвенных вопросах, подчиненных игноративным предикатам, нередко употребляются модальные показатели, отнесенные к реальной ситуации. Так, (13) приблизительно синонимично предложению (13'), тогда как смысловое различие между предложениями (14) и (14') с предикатом положительного суждения существенно больше:

(13) Интересно, куда бы он мог уйти \approx (13') Интересно, куда он ушел, но (14) Я представляю себе, куда он мог пойти \neq (14') Я представляю себе, куда он пошел.

Ср. еще возможность употребления ирреального наклонения в косвенном вопросе, подчиненном игноративному предикату в (16), и аномальность предложения (16') с предикатом положительного суждения: *(16) А кто бы это такое был, позвольте-ка узнать; (16') *Мы узнали, кто бы это такое был.*

Для игноративных, но не для предикатов положительного суждения характерен аффективный способ выражения: *(17) Хотелось бы знать, зачем ему понадобилось уходить; (18) Ума не приложу, куда он запропастился; (19) Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву (Пушкин) — ср. аномальное (19') *Мне известно. о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву.*

Еще одно различие между рассматриваемыми типами предикатов состоит в разных возможностях продолжения соответствующих текстов: многочленный (минимум — двучленный), а иногда и открытый ряд для игноративов и только что-нибудь одно для предикатов положительного суждения: (20) *Непонятно, что ей подарить: книгу, колготки, пластинку, шампунь...* и, с другой стороны, (21) *Я придумал, что ей подарить: пластинку.* Ср. также пример (22), в котором предикат *знать*, подпадающий под воздействие двух ирреальных операторов *как будто* и *не* ("двойное отрицание"), сохраняет свое значение предиката положительного суждения: (22) *Как будто я не знаю, чьи здесь штуки. Это штуки начальника отделения (Гоголь).*

Все эти особенности можно связать с различием в ментальном состоянии переживающих субъектов — в частности, аффективность, модализованность, характерную для косвенно-вопросительных придаточных в контексте игноративных предикатов, — с интеллектуальным дискомфортом, который вызывается присутствием в уме неразрешенного вопроса. В то же время оформление косвенных вопросов в разных контекстах обладает конкретно-языковой спецификой, которая должна разумеется, учитываться в лингвистическом описании.

Рассмотрим теперь вопрос о связи между способностью присоединять косвенный вопрос и фактивностью подчиняющего предиката.

3. Вендлером было высказано мнение (основанное на сопоставлении фактивных и нефактивных англ. глаголов типа *know* 'знать', *tell* 'сообщить' и *believe* 'полагать, верить'), что "возможность совстречаемости с косвенными вопросами является наиболее надежным грамматическим показателем фактивности" [10]. Наблюдения Вендлера, лежащие в основе этого утверж-

дения, в общих чертах подтверждаются и соответствующим русским материалом. Действительно, можно сказать: *Я знаю* (или: *Мне сообщили*), *когда он пришел, куда он уехал, кто автор анонимки*, но нельзя: **Я считаю, кто автор анонимки, *Я полагаю, куда он уехал* и т.п.

Если считать указанную корреляцию установленной, возникает задача как-то ее объяснить: логическая связь между фактивностью/нефактивностью и способностью подчинять косвенный вопрос не является самоочевидной. На роль объяснения могли бы претендовать следующие соображения (высказанные нами в [3]). Глаголы типа *знать* (обладающие свойством фактивности, т.е. предполагающие истинность вводимой ими пропозиции, в том числе и суждения, скрывающегося за косвенным вопросом) потому могут сочетаться с косвенно-вопросительными придаточными, что сообщение о том, что субъекту известно действительное положение дел, не является бессмысленным, даже если мы и не конкретизируем (как это бывает в случае косвенных вопросов), в чем именно состоит это положение дел. Напротив, глаголы *думать, считать, полагать* не подчиняют косвенных вопросов потому, что указание на наличие у субъекта некоторого мнения, безотносительно к реальному положению дел, не сопровождается экспликацией, в чем это мнение состоит, лишено смысла — во всяком случае, на первый взгляд (в дальнейшем будут сделаны необходимые уточнения).

Однако рассматриваемая зависимость не безусловна. Оказывается, что (1) далеко не все фактивные глаголы способны подчинять косвенный вопрос; что (2) те предикаты, которые, сочетаясь с придаточными-изъяснительными типа *что Р*, в одних типах употребления связаны с пресуппозицией истинности *Р*, а в других — нет (Вендлер называет их поэтому

"полуфактивами" — half-factives [10]), сохраняют ту же двойственность и в сочетании с косвенными вопросами (к иным выводам на материале английского языка приходит Вендлер, что и служит для него основанием говорить о косвенных вопросах как о критерии фактивности; ср. также [6]); и что, наконец, (3) косвенные вопросы в некоторых случаях являются не менее, а более толерантными в отношении нефактивности подчиняющего предиката, чем придаточные вида *что Р*.

Иллюстрацией первого утверждения является несочетаемость с косвенными вопросами наиболее характерных фактивных предикатов типа *раскаивается, сожалеет, удивлен, странно, обидно*¹ и т.п. — заслуживает внимания, что их английские корреляты *resent, regret* и т.д. Л. Карттунен называет (независимо от способности подчинять косвенные вопросы — это свойство он не рассматривает) "подлинными фактивами" или просто "фактивами" (*true factives* или *factives*), противопоставляя их "семифактивам" (*semi-factives* — не следует путать их с "полуфактивами" З. Вендлера), к которым он относит *know, realize, find out*.

Так, невозможны предложения вроде **Он раскаивается, на ком он женился*; **Он жалеет, куда они поехали в отпуск*; **Странно, когда он явился*; **Удивительно, кто выглянул в окно*, хотя предме-

¹ В содержание названных эмотивных предикатов, очевидно, входит компонент "знание": предполагается осознанность причины соответствующей эмоции — в отличие от беспричинных (беспредметных) эмоций, например, безотчетного страха, тоски, хандры (ср.: *Хандра без причины и ни отчего. Хандра ниоткуда, но та и хандра, когда не от худа и не от добра* — Пастернак). Таким образом, компонент "знание" не предполагает способности сочетаться с косвенными вопросами — ср. [6], где, впрочем, может быть, идет речь об односторонней зависимости: косвенный вопрос предполагает "знание" в подчиняющем предикате, но не обратно.

том раскаяния, сожаления, удивления и т.п. может быть не глобальный факт целиком, а, так сказать, определенный аспект этого факта (см. об этом, например [1]).

С другой стороны, как уже было отмечено, и "косвенная вопросительность" не всегда предполагает фактивность (т.е. обязательную истинность суждения, скрывающегося за косвенным вопросом). Неустойчивость компонента "фактивность" (о понятии "неустойчивость признака" см. [4]) свойственна, например, русск. глаголу *сказать*, соответствующему двум англ. глаголам — полуфактивному (по Вендлеру) *tell* и нефактивному *say*. Двойственность употребления этого глагола иллюстрируют следующие примеры: *Я сказала своему соавтору, что заседание начинается в 9.30* — здесь представлен нефактивный смысл глагола *сказать*, т.е. не предполагается ни истинность, ни ложность Р (и даже скорее есть импликатура ложности Р — в соответствии с "постулатом количества" по Грайсу). Однако в примере с другим просодическим контуром: *А ему сказал кто-нибудь, что конференция переносится?* наиболее естественно понять подчиненную предикацию как истинную с точки зрения говорящего. Та же двойственность сохраняется, на наш взгляд, и в сочетаниях с косвенными вопросами (иначе в [6]). Косвенный вопрос чаще предполагает фактивное значение: *Он сказал, где он живет*, действительно понимается как сообщение истины. Однако употребление косвенно-вопросительного придаточного само по себе не гарантирует фактивности. Следующие примеры, как представляется, не нарушают литературной нормы: *Так что, ты узнал что-нибудь новое?* — *Ну, он сказал мне, кого назначают директором, но я не очень-то доверяю его сведениям;* *Ты все выяснил?* — *Ну, она сказала мне, сколько денег получает, но, по-моему,*

она тут прихвастнула (ср. невозможность снятия пресуппозиции истинности Р в сочетаниях с фактивным предикатом: *Он знает, кого назначают директором, но я не верю его сведениям). Несмотря на относительную редкость употребления высказываний, подобных вышеприведенным, нельзя отрицать, что использование предикатов типа *сказать* с косвенным вопросом не обязательно предполагает истинность соответствующего положительного суждения.

Не во всех типах употребления является фактивным и глагол *догадываться* (в отличие от *догадаться*), хотя он как раз преимущественно сочетается с косвенными вопросами. Употребляясь по отношению к адресату и к 3-му лицу, а также к 1-му лицу в его прошлой "инстанции", этот глагол фактивен — и с косвенным вопросом и, тем более, с придаточным, вводимым союзом *что*. Но его употребление в форме 1 л. наст. вр. очевидным образом уже не обязывает считать соответствующую пропозицию, безоговорочно истинной. Ср.: *Я догадываюсь, кто автор анонимки, но не хочу говорить, пока я не вполне уверен*. То же справедливо и в отношении модализованного сочетания *Я, кажется, догадываюсь*. Заслуживает внимания то обстоятельство, что и модализация глагола *знать* (в 1 л. наст. вр.) в значительной степени освобождает говорящего от обязанности считать суждение, скрывающееся за косвенным вопросом, безусловно истинным: *Я, кажется, знаю, в кого он влюблен; Я думаю, что знаю, с кем у нее роман; Я приблизительно знаю, когда приходит поезд из Таллина*.

Заметим, что одно из объяснений возможности одновременного присутствия в высказывании разных ментальных модусов (полагания и знания) состоит в том, что эти модусы занимают здесь разные синтаксические позиции, так как "фокус сообщения

в этом случае сосредоточен не на модусе полагания и не на пропозиции, а на глаголе *знать*” [2]. Это, несомненно, справедливое соображение недостаточно, однако, для объяснения той весьма существенной, для нашей темы особенности, которая состоит в том, что сочетания типа *Мне кажется, я знаю...* или *Я думаю, что я знаю...* не способны сочетаться с придаточными вида *что Р*, хотя и здесь фокус сообщения по-прежнему сосредоточен на глаголе *знать*. Высказывания типа **Я думаю (или Мне кажется), что я знаю, что у него роман с Машей* оказываются аномальными — по тем же причинам, по которым неправильно высказывание **Я не знаю, что заседание начинается в 10 часов*. Презумпция истинности (с точки зрения говорящего) подчиненной пропозиции, обусловленная фактивностью глагола *знать* в сочетании с придаточным вида *что Р*, приходит в противоречие с утверждением об отсутствии достоверного знания, которое эксплицитно выражено модальным компонентом предиката пропозиционального отношения. Знание о том, что *Р*, не может быть не только “отрицательным”, но предположительным или приблизительным, тогда как сообщение о близости к истине сведений, касающихся суждения, скрытого за косвенным вопросом, оказывается возможным. Ср. разную степень приемлемости предложений **Я приблизительно знаю, что он живет в районе Арбата* и *Я приблизительно знаю, где он живет (где-то в районе Арбата)*, или предложения **Я приблизительно знаю, что поезд из Таллина приходит в 10 часов* и приведенного выше правильного предложения с косвенным вопросом.

Мы видим, таким образом, что косвенные вопросы не только совместимы с нефактивностью подчиняющего предиката, но что в контексте некоторых предикатов они в меньшей степени связаны с фак-

тивностью, чем эксплицитно сформулированные пропозиции, выражаемые придаточным с союзом *что*.

Чем же тогда можно объяснить несочетаемость с косвенными вопросами глаголов типа *считать*, *полагать*, *верить*? Представляется, что естественнее всего связывать данное ограничение с коммуникативной структурой соответствующих высказываний. Русские глаголы *полагать*, *думать*, *считать* никогда не бывают в коммуникативном фокусе, т.е. в центре внимания находится не само наличие мнения в сознании субъекта, а содержание мнения². Поэтому естественно полностью эксплицировать это содержание, что можно сделать только при помощи придаточного с союзом *что*. Глаголы типа *знать*, напротив, могут быть в коммуникативном фокусе и потому свободно сочетаются с косвенным вопросом. Понятно, что коммуникативные возможности пропозиционального предиката существенно коррелируют с его фактивностью/нефактивностью. Именно с этим связано то, что объяснения функционирования косвенных вопросов в духе Вендлера оказываются удовлетворительными для ряда случаев. На первый взгляд, оба из упомянутых объяснений несочетаемости с косвенными вопросами — в терминах нефактивности, либо обязательной неассертивности — эквивалентны и в отношении модусов полагания. Тем не менее связь между фактивностью и неассертивностью все же не является логически необходимой. Вполне мыслима такая ситуация, когда существенно сообщение о самом факте наличия в сознании субъекта того или иного мнения об обсуждаемом вопросе, и при этом может быть достаточной формулировка этого вопро-

² Ср. независимо сделанные наблюдения С.В. Кодзасова и И.Б. Шатуновского в докладах, прочитанных на той же конференции, что и доклад, положенный в основу настоящей статьи — см. [5; 7].

са без указания на содержание мнения по этому вопросу.

В этом случае русский язык прибегает к экзистенциальным предложениям, использующим полную номинализацию метального глагола—типа *У меня есть одно предположение насчет того, куда он делся; У меня есть некоторые соображения о том, кто автор анонимки; У меня есть определенное мнение о том, как это было бы лучше описывать* и т.п.

Предикат, описывающий когнитивное состояние субъекта, по-прежнему нефактивен (и, кстати, по-прежнему не включает компонент "знание"), но содержание мнения уже не находится в коммуникативном фокусе, и поэтому становится возможным оформление придаточного в виде косвенного вопроса.

Эти факты, наряду с приведенными выше, приводят к мысли о необходимости уточнить некоторые представления (или, быть может, формулировки) о закономерности функционирования косвенных вопросов, и, тем самым, об особенностях пропозициональных предикатов, способных или неспособных с ними сочетаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII (Вступительная статья).
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Транзитивность знания как семантическая проблема // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.
4. Зализняк А.А. О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
5. Кодзасов С.В. Коммуникативная и интонационная структура предложений с пропозициональными предикатами мышления // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.

6. *Падучева Е.В.* Предикаты, подчиняющие косвенный вопрос: список или семантический класс? // Там же.
7. *Шатуновский И.Б.* Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // *Наст. сб.*
8. *Karhunen L.* Some observations on factivity // *Papers in linguistics.* 1971. N 4.
9. *Karhunen L.* Syntax and semantics of questions // *Linguistics and philosophy.* 1977. N 1.
10. *Vendler Z.* Telling the facts // *Speech act theory and pragmatics* / Ed. by J. Searle et al. Dordrecht, 1980. Рус. пер. в кн.: *Философия. Логика. Язык.* М., 1987.

Е.Р. Иоанесян

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДИКАТА *НЕ ЗНАТЬ*

Функционирование глагола *знать* в контексте отрицательной частицы *не* представляет определенную специфику по сравнению с употреблением соответствующей лексемы без отрицания¹. Это определяет возможность оперирования сочетанием *не знать* как отдельной самостоятельной единицей.

Различие объектных актантов пропозиционального глагола приводит иногда к наличию разных значений у этого предиката (см., например, [2]). Это верно и для лексемы *не знать*, имеющей разные семантические представления в контекстах пропозиционального дополнения, частного косвенного вопроса (КВ) и общего косвенного вопроса. Мы попытаемся построить толкование предиката *не знать* для этих трех типов контекстов. Однако предварительно необходимо сделать следующее замечание. Для выявления смысла

¹ Так, в частности, некоторые особенности употребления лексических единиц *знать* и *не знать* описаны в [1] в связи с рассмотрением класса игноративных предикатов и класса предикатов положительного суждения.

эпистемического глагола имеет значение анализ его употребления в сочетаниях с глаголами той же группы. Особенно интересны контексты с союзом *но*: *Я думаю, что Р, но не уверен в этом, Я не знаю, Р ли, но думаю, что Р* и т.п. Дело в том, что конструкция *Х но У* означает, что *Х* и *У* оцениваются как два противоположно действующих, с точки зрения некоторой общей ситуации, фактора. Указанная конструкция дает, на наш взгляд, мощное средство для проверки правильности толкований близких или смежных по значению эпистемических предикатов. Мы рассмотрим лишь один вид такой конструкции: *не знать..., но думать, что...* (например, *Я не знаю, куда он ушел, но думаю, что не в кино*).

Оказывается, что во всех трех выделенных выше типах контекстов (контекст пропозиционального дополнения, контекст частного КВ и контекст общего КВ) глагол *не знать* характеризуется разной способностью использоваться в конструкции *Х но У*. Ср.: **Она не знает, что Петя пришел, но думает, что пришел; Она не знает, пришел ли Петя, но думает что пришел; Она не знает, кто это сделал, но думает что не Петя*². Таким образом, глагол *не знать* с пропозициональным актантом (*не знать, что...*) вообще не выступает в указанной конструкции с союзом *но*, а возможность употребления в этой конструкции лексемы *не знать* в контексте частного КВ и в контексте общего КВ определяется, как мы увидим, совершенно разными причинами.

Итак, в статье будет предложено некоторое толкование глагола *не знать* (мы пользовались терминологией И.Б. Шатуновского [3]) и объяснено функциони-

² Наличие отрицания в придаточном предложении, как будет показано ниже, имеет принципиальное значение. Ср.: **Она не знает, кто это сделал, но думает, что Петя*.

рование этой единицы в одном, достаточно специфическом контексте, а именно — в конструкции *Х но Y*:
 (1) *Он не знает, что $P = P$ имеет место*³ (презумпция);
 \neg (Он имеет в уме "Р имеет место").

Иными словами, в данном случае незнание есть отсутствие в сознании субъекта некоторой истинной пропозиции Р. Высказывание *Он не знает, что Р* является общим отрицанием для (2) (см. [4]):

(2) *Он знает, что $P = P$ имеет место* (презумпция);
 Он имеет в уме "Р имеет место".

Ср.:

(3) *Он знает, что $P \neq P$ имеет место* (ассерция) и Он имеет в уме "Р имеет место".

(4) *Он не знает, Р ли = Неверно, что (Он знает, что P^1)*
 & Неверно, что (Он знает, что $\neg P^1$) = \neg (Р имеет место &
 Он имеет в уме "Р имеет место") & \neg (Р не имеет место &
 Он имеет в уме "Р не имеет место").

(5) *Он не знает, кто это сделал* = $\neg \exists X$ (Он имеет в уме
 "Это сделал Х") = $\forall X \neg$ (Он имеет в уме "Это сделал Х").

Ср. толкование глагола *знать* в (6) (см. [2]):

(6) *Он знает, кто это сделал* =

а. $\exists ! X$ (Это сделал Х) (презумпция); Он имеет в уме
 "Это сделал Х";

б. $\forall X$ (Х это сделал \rightarrow Он имеет в уме "Это сделал Х").

Таким образом, если лексическая единица *не знать*, управляющая пропозициональным дополнением (*не знать, что Р*), означает отсутствие в голове субъекта пропозициональной установки (= ПУ) некоторой истинной пропозиции Р, лексическая единица *не знать*, подчиняющая общий КВ, (*не знать, Р ли*), означает отсутствие связи между положением дел в универсуме речи и ментальным состоянием субъекта ПУ, то *не знать* в сочетании с частным КВ означает отсутствие

³ Или "Р истинно".

в уме субъекта установки какой-либо пропозиции, которую можно было бы считать ответом на вопрос, содержащийся в придаточном предложении. Это отличает глагол *не знать* от соответствующего употребления глагола *знать*, которое подразумевает наличие такой пропозиции в сознании субъекта: косвенный вопрос при глаголе *знать* скрывает за собой положительное суждение субъекта установки [1].

Необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Все употребления глагола *знать* так или иначе фиксируют соответствие между тем, что имеет место в действительности, и тем, что составляет содержание сознания некоторого субъекта. Именно это лежит в основе противопоставления таких глаголов, как *знать* и *думать*: последний описывает только ментальное состояние субъекта безотносительно к его истинности. Ср.:

(7) *Он думает, что P* = Он имеет в уме "P имеет место".

Не знать в основных своих употреблениях функционирует аналогично глаголу *знать*, соотнося положение дел в мире и состояние концептуального мира субъекта. И лишь в контексте частного КВ этот глагол описывает только эпистемическое состояние субъекта установки. Это довольно необычно, но тем не менее, на наш взгляд, дело обстоит именно так, и это находит косвенное подтверждение в специфическом использовании глагола *не знать*, управляющего частным КВ, в конструкции *X но Y*.

Рассмотрим теперь употребление глагола *не знать* в сочетании с союзом *но*. Это потребует некоторых предварительных замечаний.

Итак, как уже отмечалось, *X* и *Y* в конструкции *X но Y* оцениваются как два противоположно действующих, с точки зрения некоторой общей ситуации *S*, фактора. См., напр., определение значения англий-

ского союза *but* у Л. Карлсона: "После того, как говорящий выскажется по данной теме, любой другой человек может присоединиться к разговору, произнеся предложение, которое начинается со слова *but* и содержит сведения, связанные с той же темой, но в какой-то степени противоречащие сказанному ранее" [6, с. 279]. Так, диалогическая структура предложения *My name is Sue, but I am a boy* 'Меня зовут Сью (Сью — женское имя), но я мальчик' представляется так:

Здесь рассматривается ситуация принадлежности автора высказывания к тому или иному полу. Первая и вторая части высказывания дают на этот вопрос разные ответы. См. также работу В.З. Санникова: " X но $Y \cong$ воздействие X -а на описываемую ситуацию (или на общую оценку) ослаблено или устранено ненормальным для ситуации наличием Y -а..." [5, с. 440]. Так, в высказывании *Коля пошел за хлебом, но магазин был закрыт* анализируется ситуация покупки хлеба, при этом нормальным следствием X -а (*Коля пошел за хлебом*) была бы покупка хлеба, в то время как наличие Y -а (*магазин закрыт*) сделало покупку хлеба невозможной [т.е. X и Y воздействуют на ситуацию покупки хлеба в противоположных направлениях].

Необходимо остановиться на одном немаловажном обстоятельстве, не отмеченном в указанных работах. Как уже говорилось, X и Y в конструкции X но Y обозначают факторы, противоположно воздействующие на некоторую ситуацию S (или на оценку этой

ситуации). При этом ситуация S (или противоположная ситуация "не S") может обозначаться компонентом Y. Так, в предложении *Меня зовут Сью, но я мальчик* компонент Y обозначает ситуацию S ('автор высказывания — мальчик'). Компонент X не может обозначать S (т.е. ситуацию, являющуюся предметом оценки в конструкции *X но Y*). Он может обозначать лишь такую ситуацию S', из которой ситуация S (или ситуация "не S") является только следствием: из того, что кого-то зовут Сью (X), в норме следует, что этот некто — девочка (=ситуация "не S").

Предложения вида *X но Y*, где X обозначает ситуацию S, а Y — ситуацию "не S" (или наоборот), невозможны: **Я девочка, но я мальчик*, **Он купил хлеб, но не купил его* и т.п. Другими словами, ситуация S (или "не S") должна выводиться из X-а.

Теперь можно перейти к анализу употребления глагола *не знать* в конструкции *X но Y*. Мы рассмотрим лишь один подвид этой конструкции — конструкцию, в которой *X = не знать*, *Y = думать* (хотя, безусловно, исследование остальных подвидов не менее интересно).

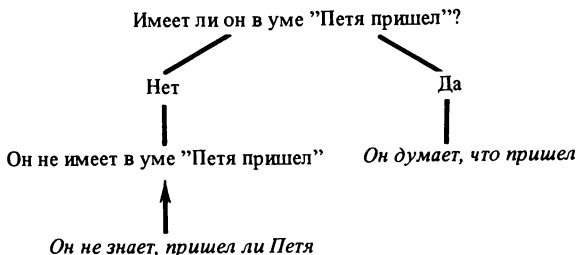
1. Невозможность высказываний типа (8) *Он не знает, что Петя пришел, но думает, что пришел* объясняется довольно просто. В качестве единственной ситуации, которая могла бы в данном случае выполнять роль ситуации S (ситуации, на которую призвано дать ответ предложение с союзом *но*), выступает ситуация 'Он имеет в уме "Петя пришел"'. Компонент Y (*думает, что пришел*) является обозначением ситуации S, поскольку в соответствии с предложенным выше толкованием глагола *думать* (*Я думаю, что P = 'Я имею в уме P имеет место'*) означает 'иметь в уме истинность/ложность чего-либо'. Компонент X (*Он не знает, что Петя пришел*) должен, как указывалось, обозначать такую ситуацию, из которой бы следствием являлась ситуация "не S": "не S" = 'он не

имеет в уме "Петя пришел". Но указанный компонент 'он не имеет в уме "Петя пришел"' представляет собой не следствие, а компонент значения глагола *не знать* в контексте пропозиционального дополнения, и, следовательно, *не знать*, управляющий пропозициональным дополнением, в указанной конструкции не может быть употреблен. Невозможность высказываний вида (8) объясняется, таким образом, теми же причинами, что и невозможность высказываний типа *Я девочка, но я мальчик* (см. выше).

2. Предикат *не знать*, управляющий общим КВ, свободно употребляется в рассматриваемой конструкции, например (9) *Он не знает, пришел ли Петя, но думает, что пришел*. В качестве ситуации S выступает ситуация 'он имеет в уме "Петя пришел"'. Компонент Y (*думает, что пришел*) является обозначением ситуации S. Компонент X (*Он не знает, пришел ли Петя*) обозначает такую ситуацию, из которой нормальным следствием является ситуация, противоположная ситуации S, — ситуация "не S"; "не S" = 'он не имеет в уме "Петя пришел"'.

Иными словами, если наше толкование глагола *не знать* правильно, то оно должно обеспечивать в качестве вывода обозначение отсутствия в сознании субъекта ПУ пропозиции "Петя пришел".

Таким образом, если глагол *думать* обозначает просто наличие в сознании субъекта суждения об истинности некоторой пропозиции, то глагол *не знать* фиксирует отсутствие соответствия между тем, что есть в действительности, и тем, что является содержанием сознания субъекта. Отсутствие суждения об истинности пропозиции является лишь нормальным следствием из того, что у субъекта нет информации о реальном положении дел. Диалогическая структура предложения *Он не знает, пришел ли Петя, но думает, что пришел* выглядит так:

Мы сделаем небольшое отступление и остановимся на разграничении нормального и ненормального в языке, что очень интересно сделано в работе В.З. Санникова [5] в связи с анализом союза *но*. Союз *но*, как было сказано, фиксирует нарушение нормального хода событий. "Существует общепринятое и закрепленное в языке представление о нормальном ходе событий. Так, например, для современного человека нормальным завершением болезни является, видимо, выздоровление. Однако в языке отражено и закреплено другое представление, согласно которому нормальным исходом болезни является смерть, а выздоровление — нарушение нормального хода вещей. Ср. *Он заболел и скоро умер* (**но скоро умер*) и *Он заболел, но скоро выздоровел* (**и скоро выздоровел*)" [5, с. 440].

В.З. Санников формулирует целый ряд принципов, отражающих нормативные (с точки зрения языка) ситуации, напр., "принцип гармоничности": оба признака тяготеют либо к положительному полюсу, либо к отрицательному. Ср. *Она умна и красива* (норма) и *Она умна, но некрасива* (нарушение нормы). Другой принцип: обладая важными сведениями, человек сообщает о них. Ср. *Он узнал, что она приезжает и всем рассказал об этом* (норма) и *Он узнал, что она приезжает, но никому не сказал об этом* (нарушение нормы) и т.п.

Наши примеры с глаголом *не знать* выявляют, по-видимому, еще одну максиму: не обладая информацией о положении дел в реальном мире, человек не имеет мнения по этому поводу (наличие мнения об истинности Р, при отсутствии информации о Р, — ненормально): *Он не знает, пришел ли Петя, но думает, что пришел. Но* сигнализирует здесь о нарушении нормального течения событий — незнание налагает запрет на "думание".

3. В основе невозможности предложений типа (10) *Он не знает, кто это сделал, но думает, что Петя* лежат те же причины, что и в основе невозможности предложений с глаголом *не знать*, управляющим пропозициональным дополнением, и в основе невозможности предложений вида *Я девочка, но я мальчик*.

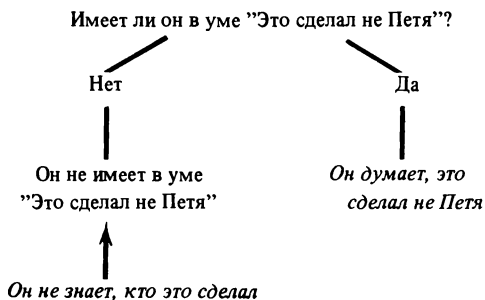
В качестве ситуации S здесь может выступать единственная ситуация — ситуация 'он имеет в уме "Это сделал Петя"'. Компонент Y (*думает, что Петя*) является обозначением ситуации S. Правила построения конструкции *X но Y*, как мы помним, требуют, чтобы X обозначал такую ситуацию, из которой ситуация "не S" — 'он не имеет в уме "Это сделал Петя"' — являлась бы следствием. В данном случае это условие нарушается (что и приводит к неправильности высказывания (10)), так как компонент X (*Он не знает, кто это сделал*) является обозначением с а м о й с и т у а ц и и "не S". Действительно, в соответствии с нашим толкованием предложения типа *Он не знает, кто это сделал* имеют следующее значение: $\forall X \neg$ (Он имеет в уме "Это сделал X"), т.е., в частности, верно, что субъект ПУ не имеет в сознании пропозиции "Это сделал Петя" (= "не S"). Таким образом, суждение 'он не имеет в уме "Это сделал Петя"' представляет собой компонент значения глагола *не знать* в контексте частного КВ.

Мы уже отмечали, что *не знать* в контексте частного КВ, в отличие от других своих употреблений, от-

сылает только к ментальному состоянию субъекта ПУ. Если бы это было не так [т.е. если бы *не знать* с частным КВ (подобно *не знать* с общим КВ) обозначал отсутствие связи между реальностью и содержанием сознания субъекта ПУ], то в силу тех же причин, которые разрешают высказывания вида *Не знаю, Р ли, но думаю, что Р*, были бы возможны и высказывания типа (10) *Он не знает, кто это сделал, но думает, что Петя*. Иными словами, если бы глагол *не знать*, подчиняющий частный КВ, обозначал несоответствие между действительностью и концептуальным миром субъекта, то он должен был бы употребляться в конструкции *Х но Y*: в этом случае компонент *Х* (*Он не знает, кто это сделал*) обозначал бы такую ситуацию, нормальным следствием которой⁴ являлась бы ситуация "не S", и, следовательно, правила построения конструкции *Х но Y* были бы соблюдены.

4. Тем не менее глагол *не знать* с частным КВ способен выступать в конструкции *Х но Y*, напр.: (11) *Он не знает, кто это сделал, но думает, что не Петя*. И возможность таких предложений определяется уже совершенно иными причинами, чем в случае с общим КВ. В данном случае ситуация S (компонент Y, глагол *думать*) такова: 'он имеет в уме "Это сделал не Петя"'. Компонент *Х* (*Он не знает, кто это сделал*) обозначает такую ситуацию, из которой ситуация "не S" — 'он не имеет в уме "Это сделал не Петя"' — является следствием. Диалогическая структура предложения (11) может быть представлена следующим образом:

⁴ Действительно, согласно сформулированной нами максиме, отсутствие суждения об истинности пропозиции является нормальным следствием из ситуации отсутствия у субъекта информации о положении дел в реальной действительности.

Покажем, что из суждения *Он не знает, кто это сделал* на самом деле следует суждение 'Неверно, что он имеет в уме "Это сделал не Петя"'. *Он не знает, кто это сделал* = $\neg \exists X$ (Он имеет в уме "Это сделал X"). X, в частности, может представлять собой дизъюнкцию всех людей, в принципе способных совершить указанное действие, за исключением Пети. Т.е. в числе прочих "отсутствующих" в сознании субъекта пропозиций имеется пропозиция "Это сделал либо X_1 , либо X_2 , ... либо X_i , ...", где X принимает значения всех мыслимых субъектов действия, кроме Пети. Раз неверно, что субъект ПУ думает, что это сделал кто-то из множества, включающего всех людей за исключением Пети, следовательно, неверно, что он думает, что это сделал не Петя. Иными словами, \neg (Он имеет в уме "Это сделал либо X_1 , либо X_2 , ... либо X_i , ...") \supset \neg (Он имеет в уме "Это сделал не Петя"). Эта импликация является истинной. Импликация бывает ложной только при истинности посылки и ложности заключения. В нашем примере этот случай исключается: ложность правого суждения (заключения) одновременно означает ложность левого (посылки), следовательно, импликация в целом является истинной. Действительно, если суждение ' \neg (Он имеет в уме "Это сделал не Петя")' явля-

ется ложным, то суждение '(Он имеет в уме "Это сделал не Петя")' является истинным, (т.е. субъект ПУ считает, что это сделал не Петя). Но раз субъект ПУ считает, что это сделал не Петя, следовательно, он считает, что это сделал кто-то из всех остальных людей, т.е. суждение 'Он имеет в уме "Это сделал либо X_1 , либо X_2, \dots "' является истинным, и, следовательно, противоположное суждение 'Неверно, что он имеет в уме "Это сделал либо X_1 , либо $X_2 \dots$,' — ложным.

Таким образом, мы показали, что возможность предложений вида (11) определяется тем, что суждение 'Неверно, что он имеет в уме "Это сделал не Петя"' является логическим следствием из суждения *Он не знает, кто это сделал* (ср. с понятием нормального следствия для контекстов с общим КВ).

Итак, мы попытались дать толкование глаголу *не знать* в трех различных типах контекстов и проследить функционирование этого глагола в конструкции *Х но У*, позволяющей объяснить некоторые особенности данного эпистемического предиката.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью // Наст. сб.
2. Падучева Е.В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // Наст. сб.
3. Шатуновский И.Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // Наст. сб.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Чем обусловлена транзитивность знания? // Наст. сб.
5. Санников В.З. Значение союза *но*: нарушение нормального положения вещей // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз. 1986, N 5.
6. Карлсон Л. Соединительный союз *but* // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.

ЧЕМ ОБУСЛОВЛЕНА ТРАНЗИТИВНОСТЬ ЗНАНИЯ?

Назовем предикат пропозициональной установки $A(X, P)$, где X — субъект, а P — объект установки, транзитивным, если из $A(X_1, A(X_2, P))$ следует $A(X_1, P)$.

Транзитивность является весьма нетривиальным свойством предикатов пропозициональной установки. Так, нетрудно убедиться, что из *Х считает, что У считает, что Р* не следует *Х считает, что Р*, из *Х удивлен, что У удивлен, что Р* не следует *Х удивлен, что Р*, из *Х подозревает, что У подозревает, что Р* не следует *Х подозревает, что Р*. И в этом смысле требует специального объяснения тот факт, что транзитивными оказываются предикаты знания, в частности русский глагол *знать*: *Х знает, что У знает, что Р* предполагает, что *Х знает, что Р*.

На первый взгляд, транзитивность знания не распространяется на случаи, когда *знать* подчиняет косвенный вопрос: из *Х знает, что У знает, кто решил задачу* ни в коей мере не следует, что *Х знает, кто решил задачу*. Однако этот факт естественным образом вытекает из толкования *знать* с косвенным вопросом (см., например, [5]): *Он знает, кто решил задачу* $\Leftarrow \forall x (x \text{ решил задачу} \rightarrow \text{Он знает, что } x \text{ решил задачу}) \& \dots$. В соответствии с этим толкованием имеем (1) *Х знает, что У знает, кто решил задачу* $\Leftarrow \rightarrow$ *Х знает, что* $(\forall x (x \text{ решил задачу} \rightarrow \text{У знает, что } x \text{ решил задачу}) \dots)$. Ясно, что мы не можем вывести из (1) на основании принципа транзитивности знания (2) $\forall x (x \text{ решил задачу} \rightarrow \text{Х знает, что } x \text{ решил задачу}) \dots$, т.е. *Х знает, кто решил задачу*. Таким образом, употребление *знать* с косвенными вопросами не противоречит принципу транзитивности знания.

Поскольку транзитивность является нетривиальным

семантическим свойством для глаголов пропозициональной установки, она должна быть каким-то образом отражена в описании таких глаголов, как *знать*. При этом вряд ли целесообразно постулировать специальную семантическую аксиому, соответствующую принципу транзитивности. Дело в том, что, как мы собираемся показать, транзитивность не является независимым свойством, а связана с другими семантическими признаками предикатов знания, а именно с распределенностью и фактивностью.

Предикат пропозициональной установки $A(X, P)$ назовем *распределенным*, если из $A(X, P_1 \& P_2)$ следует $A(X, P_1) \& A(X, P_2)$.

Наряду с предикатами типа *знать*, распределенными являются такие предикаты пропозициональной установки, как *считать*, *полагать*, *верить*, но не такие, как *удивляться*, *радоваться* и т.п. (причиной удивления и т.д. может быть не каждое из событий, соответствующих P_1 и P_2 само по себе, а лишь совместное появление этих событий).

Свойство фактивности предикатов пропозициональной установки достаточно хорошо исследовано. Однако не существует общепринятого способа формальной репрезентации этого свойства, состоящего в том, что использование фактивного предиката пропозициональной установки уместно только в ситуации истинности пропозиции, служащей объектом установки.

В последнее время было неоднократно показано (см. об этом [3], [2]), что неадекватным является такое представление предикатов знания, при котором их семантика приравнивается к семантике предикатов "мнения" (типа *считать*, *думать*) плюс фактивность. Скорее можно согласиться с теми авторами, которые постулируют существование особой семантической единицы "знание", не сводимой к мнению, — элементарной [3] или подвергаемой дальнейшему анализу [2].

В частности, многие семантические проблемы, связанные с глаголом *знать* и с фактивностью, можно разрешить, используя толкование Анны А. Зализняк: *Он знает, что P* = 'он знает, что P' & 'я знаю, что P' (где "знать" в толковании — неопределяемый семантический элемент, соответствующий ментальному состоянию "знания"). Чтобы более четко отграничить *знать* как русский глагол и "знать" как элемент толкования, можно использовать несколько иную символическую запись: *X знает, что P* \Leftrightarrow K(X, P) & K(Г, P), где Г — говорящий, K(X, P) — предикат, соответствующий ментальному состоянию "знания".

Это толкование отражает тот факт, что истинность высказывания с глаголом *знать* в форме 3-го лица зависит от истинности высказывания *Я знаю, что P*. Его можно рассматривать в качестве одной из формальных репрезентаций фактивности глаголов знания и объяснения того, что из *Он знает, что P* следует, что *Я (говорящий) знаю, что P*.

Обратим внимание на то, что ментальное состояние "знания", как явствует из приведенного толкования, адекватно передается глаголом *знать* лишь в форме 1 л. ед. наст.: K(Г, P) \Leftrightarrow *Я знаю, что P*. Во всех прочих формах следует использовать глагол *считать*: *X считает, что P* неоднозначно и может как указывать на ментальное состояние "мнения", так и означать K(X, P); использование глагола *знать* сообщало бы о ментальном состоянии не только X-а, но и говорящего (ср. [2]).

В то же время толкование *X знает, что P* \Leftrightarrow K(X, P) & K(Г, P), не лишено формальных недостатков. Так, это толкование не может быть использовано (во всяком случае без модификаций) при анализе высказываний, в которых *знать* подчиняет косвенный вопрос. Действительно, подставляя данное толкование в *Он знает, кто решил задачу* $\Leftrightarrow \forall x (x \text{ решил задачу} \rightarrow \text{Он знает,$

что *х* решил задачу)..., получаем *Он знает, кто решил задачу* $\Leftrightarrow \forall x(x \text{ решил задачу} \rightarrow K(\text{он}, 'x \text{ решил задачу}'))$ $K(\Gamma, 'x \text{ решил задачу}')$)..., откуда следует (в силу распределенности знания) *Он знает, кто решил задачу* \Rightarrow *Я знаю, кто решил задачу*, что очевидным образом неверно.

На основе рассматриваемого толкования мы никак не можем из *X_1 знает, что X_2 знает, что P* вывести *X_1 знает, что P* . Напротив того, из этого толкования следует: *X_1 знает, что X_2 знает, что P* $\Leftrightarrow K(X_1, (X_2 \text{ знает, что } P)) \& K(\Gamma, (X_2 \text{ знает, что } P)) \Leftrightarrow K(X_1, K(X_2, P) \& K(\Gamma, P)) \& K(\Gamma, K(X_2, P) \& K(\Gamma, P))$, откуда (в силу распределенности знания) следует *X_1 знает, что X_1 знает, что P* $\Rightarrow K(X_1, K(\Gamma, P) \& K(\Gamma, K(\Gamma, P))) \Leftrightarrow X_1 \text{ знает, что я знаю, что } P$ — ясно, что последнее предложение на самом деле не является семантическим следствием исходного.

Можно видоизменить рассматриваемое толкование, сохранив в нем компонент $K(X, P)$, указывающий на ментальное состояние знание субъекта. Значение предложения *X знает, что P* может быть представлено как конъюнкция двух ассерций: $P \& K(X, P)$ ¹. При таком подходе не возникают парадоксы, связанные с соотношением понятий знания и истинности (например, с тем фактом, что предложение *Я знаю, что P* не становится семантически аномальным, даже если говорящий фактически ошибается). Смысл $K(\Gamma, P)$ — "я знаю, что P " вычитывается из высказывания *X зна-*

¹ Идея, что в просодически немаркированном (произносимым с ударением на последнем компоненте) предложении вида *X знает, что P* суждение P является не пресуппозицией, а ассерцией, высказывалась (устно) С.А. Крыловым. Подчеркнем, что стрелка (\hookrightarrow) указывает на один из компонентов "глубинной" интонации. При переходе к реальной ("поверхностной") интонации (правила такого перехода мы не рассматриваем) этот компонент взаимодействует с другими.

ет, что P как речевая импликатура ассерции P — следствие постулата качества (говорящий может искренне сообщить, что P , не сопровождая свое сообщение модальными показателями неуверенности, предположения и т.п., только если он "знает", что P).

Предложенное толкование объясняет транзитивность знания. Действительно, поскольку X_1 знает, что X_2 знает, что $P \Leftrightarrow (X_2 \text{ знает, что } P) \& K(X_1, X_2 \text{ знает, что } P) \Leftrightarrow P \& K(X_2, P) \& K(X_1, P \& K(X_2, P))$, в силу распределенности знания X_1 знает, что X_2 знает, что $P \Rightarrow P \& K(X_1, P) \Leftrightarrow X_1 \text{ знает, что } P$.

Аналогичным образом могут быть истолкованы и другие фактивные предикаты пропозициональной установки. Просодически немаркированное высказывание с таким предикатом может быть представлено как конъюнкция двух утверждений, одно из которых — P , где P — объект установки. Однако транзитивными оказываются лишь распределенные фактивные предикаты, и, таким образом, транзитивность есть следствие фактивности и распределенности.

Тот факт, что просодически немаркированное высказывание вида $X \text{ знает, что } P^1$ выражает конъюнкцию двух утверждений, проявляется в том, что оно не может присоединять модальные операторы (**Кажется, X знает, что P^1*), не имеет общеотрицательного (Неверно, что ($X \text{ знает, что } P^1$) \Leftrightarrow ?). Высказывание $X \text{ не знает, что } P^1$ выражает смысл $P \& K(X, P)$ и, таким образом, не является общим отрицанием для $X \text{ знает, что } P^1$.

Иное актуальное членение представлено в высказываниях вида $X \text{ знает}^2$, что P , в которых P выступает в качестве пресуппозиции. Такие предложения выражают лишь одну ассерцию — $K(X, P)$ — и потому могут присоединять модальные операторы (ср. *Кажется, $X \text{ знает}^2$, что P*), имеют соответствующие общеотрицательные ($X \text{ не знает}^2$, что P)². Возмож-

ность двоякого актуального членения в предложениях с фактивными предикатами пропозициональной установки обусловлена именно тем, что они выражают конъюнкцию двух суждений, одно из которых касается положения дел в универсуме речи (и может входить как в презумптивный, так и в ассертивный компонент), а другое — внутреннего состояния субъекта установки. Эта возможность резко отличает фактивные предикаты от предикатов типа *думать*, *считать*, *полагать*, высказывания с которыми выражают лишь одно суждение, касающееся ментального состояния субъекта и описывающее содержание его мнения (субъективно, возможно, "знания"), а потому не допускают отнесения содержания мнения к презумптивному компоненту (вне специальных условий).

С указанным различием высказываний с фактивными предикатами и высказываний с глаголами *считать*, *думать*, *полагать* связаны также и другие их особенности.

Описывая содержание мнения, говорящий может использовать номинацию, принадлежащую субъекту пропозициональной установки, не присоединяясь к ней; в предложениях с фактивными глаголами номинация всегда принадлежит говорящему (хотя она может соответствовать и номинации, принадлежащей субъекту пропозициональной установки). Иными словами, противопоставление понимания *de dicto* — *de re* возможно лишь в предложениях с глаголами мнения. В предложениях с фактивными предикатами использование номинации, не принадлежащей говорящему, возможно

² Разумеется, присоединение модальных операторов или отрицания возможно лишь при условии несовпадения субъекта пропозициональной установки с говорящим, поскольку высказывание, содержащее пресуппозицию *P*, предполагает, что говорящий достоверно знает, что *P*; поэтому аномально **Я не знаю, что P*; **Кажется, я знаю, что P* (ср. [1]).

лишь при семантическом сдвиге (когда предикат фактически утрачивает свойство фактивности) или при отчетливо цитатном характере номинации.

В заключение укажем еще ряд свойств различных комбинаций предикатов пропозициональной установки. Из *Х удивлен (огорчен,...)*, что *У удивлен (огорчен, ...)*, что *Р* следует *Х знает, что Р*; из *Х удивлен (огорчен, ...)*, что *У знает, что Р* также следует, что *Х знает, что Р*. Объяснение состоит в том, что ментальные состояния, соответствующие фактивным предикатам, включают в себя компонент "знание" (ср. [4]).

Из *Х полагает (думает, считает), что У знает₁*, что *Р* следует *Х знает, что Р* (наблюдение Е.Р. Иоанесян). Действительно, мнение Х-а может быть адекватно представлено как *У знает₁*, что *Р* лишь при условии, что *Х* исходит из презумпции "*Р* — истинно". Обратим внимание на то, что из *Х полагает (думает, считает), что У знает, что Р₁* не следует *Х знает, что Р*. Семантически данное высказывание (как это вытекает из предложенного анализа предиката *знать*) эквивалентно конъюнкции (*Х полагает (думает, считает), что Р*) & *Х полагает (думает, считает), что К (У, Р)*. В самом деле, вообразим ситуацию, в которой подобное высказывание могло бы быть произведено. В комнате группа болельщиков смотрит в видеозаписи хоккейный матч, сыгранный накануне. Результат им еще неизвестен. Вдруг они видят, что Петя (поклонник команды "Сокол") нисколько не волнуется. Один из них говорит Пете: *Я думаю, что ты просто уже знаешь, что "Сокол" выиграл₁*. Данное высказывание выражает предположение о результате матча и о том, что результат известен Пете. Заметим, что, если бы говорящему самому был достоверно известен результат, он мог бы сказать: *Я думаю, что ты уже знаешь₁, что "Сокол" выиграл*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Наст. сб.
2. Дмитриовская М.А. Глаголы знания и мнения: (Значение и употребление). Автореф. канд. дис. М., 1985.
3. Зализняк Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния: (На материале французского языка). Автореф. канд. дис. М., 1985.
4. Зализняк Анна А. Знание как единица семантического языка // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Школа-семинар "Кутаиси-85". М., 1985.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.

И.М. Кобозева

ОТРИЦАНИЕ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРЕДИКАТАМИ ВОСПРИЯТИЯ, МНЕНИЯ И ЗНАНИЯ

Известно, что отрицательные предложения представляют ценный материал для анализа семантики предикатов. В них получают косвенное поверхностное проявление семантические характеристики предиката, скрытые от наблюдения в утвердительных предложениях, не говоря уже о том, что сопоставление смысла общеотрицательного предложения со смыслом соответствующего ему утвердительного является основным методом выявления логико-семантических различий между предикатами (ср. применение критерия отрицания для установления пресуппозиционной части в толковании предиката (см., например [1]), построение логико-семантических классификаций предикатов [2, 3]).

В данной работе будут проанализированы отрицательные предложения с перцептивными и менталь-

ными предикатами и сделана попытка объяснить ряд семантико-синтаксических свойств этих предложений исходя из семантики предикатов.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу материала, необходимо сделать ряд уточнений.

В общем случае в предложениях с предикатами пропозициональной установки показатель отрицания может выступать как при предикате, так и в зависимой от него пропозиции. В обеих позициях отрицание может быть как нейтральным, так и противопоставительным [4].

При противопоставлении показатель отрицания свободно сочетается с предикатами любых модусов. Ограничение накладывается только на соотношение противопоставляемых предикатов: оба они должны принадлежать одному модусу. (Ср. *Я не видел, а слышал (?помнил, ?думал), что они там были*). Ясно, что это ограничение — частное проявление общей закономерности противопоставления. Нас в дальнейшем будут интересовать только предложения с нейтральным отрицанием, так как только в них обнаруживаются те свойства, которые могут быть связаны с семантикой конкретного предиката или класса предикатов.

Характеристика предиката в его отношении к нейтральному отрицанию будет дана по следующим четырем параметрам:

1) имеет ли предложение с данным предикатом естественное отрицание;

2) стандартна ли интерпретация показателя отрицания при данном предикате. (Интерпретация *не* при предикате считается стандартной, если в семантическом представлении предложения оператор отрицания непосредственно подчиняет себе семантическую вершину подграфа, соответствующего данному предикату);

3) естественно ли отрицание в составе подчиненной пропозиции;

4) как отрицание при предикате влияет на возможности оформления зависимой пропозиции — введения ее с помощью тех или иных союзов. (Влияние сказывается как в появлении новых возможностей, так и в запрете на тот или иной способ оформления).

Каждый из этих параметров имеет непосредственный "выход" в семантику предиката. Более подробного комментария заслуживает параметр 4.

Вариативность способов введения зависимой пропозиции коррелирует с разнообразием денотативных статусов пропозиитивных компонентов предложения (см. [5, 6, 7]). Подчинительный союз можно рассматривать как актуализатор, указывающий на способ референции придаточного. Изменения в наборе поверхностных реализаций зависимой от данного предиката пропозиции отражают изменения в наборе денотативных статусов этой пропозиции. Поверхностные запреты на тот или иной способ оформления придаточного получают объяснение в терминах семантических ограничений на сочетаемость некоторого интенционального состояния с тем или иным способом соотнесения пропозиционального содержания этого состояния с действительностью.

Для описания референциальных свойств пропозиций используются следующие противопоставления [7]:

а) событие vs факт [8] (в другой терминологии "ситуация" vs "факт"/"возможность" [7]. Нам представляется, что существо данного противопоставления более точно отражает пара "представление" vs "суждение".);

б) модальное противопоставление: реальная vs нейтральная модальность. (Имеется в виду оценка реальности ситуации говорящим. В рамках нейтральной

модальности особо может быть выделена ирреальная модальность, когда ситуация относится говорящим к миру недостижимому (или трудно достижимому) из реального).

в) известность vs неизвестность;

г) ассертивность vs имплицативность.

Как показал анализ предложений с предикатами пропозициональной установки, необходимо учитывать еще одно референциальное измерение пропозиитивного компонента: отношение субъекта пропозициональной установки к реальности ситуации. В рамках этого модального противопоставления различаются такие оценки субъектом истинности пропозиции, как "достоверно", "вероятно", "маловероятно", "возможно", "ирреально".

Теперь охарактеризуем в рамках данных противопоставлений актуализаторы пропозиций, зависящих от перцептивных и ментальных предикатов*.

Союз *как* актуализирует пропозицию как имеющую статус "события" ("представления") [7]. Ср. невозможность ввести с помощью *как* придаточное с явно выраженной структурой суждения: *Я помню, как мы впервые встретились в старом парке*, но **Я помню, как местом нашей первой встречи был старый парк*. Прочие признаки в *как* нейтрализуются.

Союз *будто*₁ (≠ *словно* и т.п.) актуализирует пропозицию как "факт" ("суждение") с нейтральной модальностью, и как "неизвестное". Ср. невозможность произнести *будто*-придаточное с интонацией, характерной для пропозиитивного компонента с признаком

* Предлагаемое ниже описание уточняет применительно к данному материалу трактовку семантической оппозиции союзов *как—что—будто*, данную в работе: Кручинина И. Н. Из наблюдений над синтактико-семантическим распределением подчинительных союзов в русском языке // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978. С. 170—180.

"известного": *Я слышал, что он заболел, но *Я слышал, будто он заболел.*

Союз *будто*₂ (= *будто бы, как будто, словно, точно*) актуализирует вводимую пропозицию как "факт" ("суждение") с модальностью ирреальности и с точки зрения говорящего, и с точки зрения субъекта пропозициональной установки. Ср. *Он почувствовал, будто бы куль муки втащил на пятый этаж* (Б. Полевой).

Союз *чтобы* актуализирует пропозицию как "факт" ("суждение") с модальностью нейтральной с точки зрения говорящего и модальностью маловероятности или ирреальности с точки зрения субъекта пропозициональной установки. Ср. *Сомневаюсь (не думаю, не помню), чтобы он курил.*

Союз *что* маркирует пропозицию как "факт" ("суждение"). По всем прочим признакам статус вводимой пропозиции определяется семантикой предиката пропозициональной установки.

Союзные вопросительные слова и частица *ли* сигнализируют об особом — вопросительном — статусе вводимой пропозиции.

Как актуализатор следует рассматривать и бессоюзное оформление изъяснительных придаточных. Этот актуализатор маркирует пропозицию как "неизвестное", будучи нейтральным по прочим признакам. Ср. *Я видел, как он полез на чердак, но *Я видел: он полез на чердак.* Из-за ограниченности объема работы предложения с этим актуализатором остались за ее пределами.

Рассмотрим в указанных рамках взаимодействие отрицания с различными подклассами перцептивных и ментальных предикатов.

Перцептивные предикаты

Общим для всех перцептивных предикатов (*видеть, замечать, слышать, ощущать* и т.д.) является то, что все они допускают нейтральное отрицание, которое получает при них стандартную интерпретацию.

Вместе с тем они обнаруживают не свойственное ни одному другому классу предикатов пропозициональной установки ограничение на употребление отрицания в придаточном: если придаточное вводится с помощью союза *как*, то оно не может быть отрицательным (в [9] это отмечено для предиката *видеть*). Ср.:

(1) Женщина заметила, $\left\{ \begin{array}{l} \text{как} \\ \text{что} \end{array} \right\}$ он опустил деньги в кассу.

(2) Женщина заметила, $\left\{ \begin{array}{l} * \text{как} \\ \text{что} \end{array} \right\}$ он не опускал деньги в кассу.

Отметим, что ментальные предикаты, которые допускают придаточные с *как* (например, *представлять (себе), помнить, забыть*), указанного ограничения не обнаруживают. Ср. *Он вспомнил, как не мог решить задачу*.

Невозможность *как ... не* после перцептивных предикатов объясняется противоречием денотативных характеристик пропозиции, возникающим в этом случае. Союз *как* актуализирует пропозицию как имеющую статус "события" ("представления"). Но отрицательная пропозиция *не Р* при перцептивном предикате не может интерпретироваться как "представление", т.е. ситуация явленная сознанию субъекта восприятия, поскольку физически воспринимаются только события реального мира, а в реальности "отрицательных" событий не существует. На концептуальном уровне перцептивные предикаты принимают в качестве своих аргументов только "события". На поверхност-

ном уровне при этих предикатах возможны и пропозиции со статусом "фактов", выражаемые *что*-придаточными. На концептуальном уровне таким предложениям соответствует структура, состоящая из двух компонентов: 1) физическое восприятие "события" *P* (формирование "представления" о *P*); 2) основанное на этом мнение о "факте" *P* (вынесение "суждения" о *P*). *Что*-придаточное при перцептивных предикатах имеет, таким образом, двоянный денотативный статус "события" и "факта".

В отличие от этого при некоторых ментальных предикатах отрицательная пропозиция *не P* может интерпретироваться как "событие" ("представление"). Так, память или сила воображения может являть сознанию субъекта как состоявшиеся, так и несостоявшиеся события как бы в готовом виде, без их истинностной оценки в момент их осознания ("мысленного созерцания"). То, что в ретроспективе могло быть "фактом" ("суждением"), в момент вспоминания может выступать как "событие" (представление"). Здесь опять-таки пропозиция *как не P* имеет двоянный денотативный статус, но если *видит, что не P* \equiv 'видит нечто, что дает основание считать: не *P*', то *помнит, как не P* \equiv 'имеет в сознании "не *P*"', потому что раньше имел основание считать: не *P*'.

Запрет на *будто* в контексте отрицания при предикате. Все перцептивные предикаты, за исключением предикатов зрительного восприятия (их особое место обсуждается в [9]), допускают пропозиции с актуализаторами *будто*₁ и *будто*₂ (= *словно* и т.д.). Ср.: *Я услышал, будто кто-то ходит по крыше. Он ощущал, будто гора с плеч упала. Вчера была в Лувре, ... устала и села на скамеечку, и вдруг чувствую — точно мне провели рукой по спине* (А.Н. Толстой). Однако эти актуализаторы становятся невозможными, как только

при предикате появляется отрицание. Ср. *Он не ощущал, будто гора с плеч упала. *Я не услышал, будто кто-то ходит по крыше, и т.д.

Данный запрет имеет ясную семантическую основу. При некотором различии их семантики союз *будто*₁ и группа союзов *будто*₂ совпадают в том, что указывают на "неизвестность" зависимой пропозиции. Иными словами, эта пропозиция впервые вводится в общее поле зрения коммуникантов. Естественно, что не всякая модальная рамка пригодна для интродукции новой информации, а только та, в составе которой найдется хотя бы один компонент, сообщающий вводимой пропозиции определенную истинностную оценку либо со стороны говорящего, либо со стороны субъекта пропозициональной установки. Отрицание восприятия субъектом X ситуации Р только тогда может использоваться для интродукции Р, когда эта ситуация получает определенную истинностную оценку со стороны говорящего, что выражают при перцептивных предикатах союзы *как* и *что*, а также *чтобы* в предложениях от первого лица. Ср. Они не заметили, как на опушке леса появились танки. Я не вижу, чтобы вы работали. (Говорящий считает, что не работают). Поскольку *будто*₁ выражает нейтральность говорящего в отношении истинности Р, то модель типа *не ощущал, будто*₁ не употребляется. В случае *будто*₂ вводимая пропозиция заведомо ирреальна и вводится в общее поле зрения коммуникантов с единственной целью — дать с помощью сравнения описание того, что испытывает субъект восприятия. Когда же отрицается, что субъект испытал некоторое чувство, описание этого чувства со ссылкой на ирреальную ситуацию уместно только тогда, когда контекст порождает ожидание, что субъект должен был бы испытать именно такое

чувство. Но в таком случае ситуация, с которой сравнивают, уже находится в общем поле зрения коммуникантов, т.е. является "известной". А это исключает употребление союзов *будто*₂.

Возможность *чтобы* в контексте отрицания и его интерпретация. Актуализатор *чтобы*, недопустимый в утвердительном предложении с перцептивным предикатом, может употребляться при его отрицании. Помимо перцептивных этим свойством обладают и некоторые группы ментальных предикатов, о чем см. ниже. Необходимыми для употребления *чтобы* в конструкции *Q(X), чтобы P* являются следующие два условия: 1) нейтральное отношение говорящего к истинности *P*; 2) оценка *P* субъектом *X* как маловероятной, но возможной. Если говорящий констатирует факт восприятия *X*-ом ситуации *P*, то либо он признает вместе с *X*-ом реальность *P*, либо если говорящий нейтрален в отношении *P*, то субъект восприятия считает *P* вероятным (*И услышала она, будто кто вздохнул за беседкой*), либо говорящий, как и субъект восприятия, считают *P* ирреальной ситуацией (см. примеры с *будто*₂). В первом случае нарушено условие 1, во втором — условие 2, в третьем — оба сразу. Другое дело, когда говорящий отрицает восприятие *P* субъектом *X*. Здесь оба условия могут быть соблюдены: и говорящий может быть нейтрален в отношении к *P*, и *X* может считать *P* маловероятным, хотя и возможным.

Здесь следует обратить внимание на ранее не отмечавшееся различие в интерпретации близких по смыслу отрицательных предложений с *чтобы*-придаточным (*не Q, чтобы P*) и с косвенным вопросом (*не Q, P ли*). Ср.: (3) *Он не видел, чтобы кто-нибудь заходил вчера к соседу.*

(4). *Он не видел, заходил ли кто-нибудь вчера к соседу.*
О различии семантических структур этих предложе-

ний свидетельствует то, что, во-первых, только (4), но не (3) допускают продолжение ..., *но он(не) думает, что заходил*, а во-вторых, только (4), но не (3) допускает продолжение ...*потому что он только сегодня вернулся из командировки*. Если признать, что *чтобы Р* обозначает ситуацию, которую субъект пропозициональной установки Х считает маловероятной, но возможной, то становится понятным запрет на продолжение типа *но Х думает/не думает, что Р*, так как при этом возникает либо тавтология, либо кон-традикция. Что же касается косвенного вопроса, то он в контексте отрицания восприятия выражает незнание субъектом пропозициональной установки, Р или не Р (о связи косвенного вопроса с концептом знания см. [10]), что вполне совместимо с мнением об истинности или ложности Р. В свою очередь "каузальный" тест показывает, что конструкции типа (3) в отличие от (4) не совместимы с отсутствием у субъекта установки возможности сформировать мнение об истинности Р. Итак, предложения типа *Х не видел, чтобы Р* имеют семантическую структуру типа (3'):

- (3') 1) Неверно, что Х видел, что Р
 2) Если бы Р имело место, то Х скорее всего должен был бы увидеть Р
 3) На основании 1) и 2) Х считает, что скорее всего не Р, хотя и не исключает возможность Р
 а предложения типа *Х не видел, Р ли* — структуру типа (4):
 (4') 1) Неверно, что Х видел, что Р
 2) Неверно, что Х видел, что не Р
 3) Как следствие 1) и 2) Х не знает, Р или не Р

Предикаты "ложного восприятия"

Предикаты "ложного восприятия" (*мерещиться*, *чудиться*, *казаться*₂ и т.п.) не имеют естественного отрицания. То есть предложения типа *Ему мерещилось*,

что он бредит не имеют соответствующих им отрицательных, ср. *Ему не мерещилось, что он бредит. Обычно отсутствие естественного отрицания объясняется наличием в ассертивной части семантической структуры предложения конъюнкции двух пропозиций (см. [11, с. 156]). В нашем случае это конъюнкция утверждения о восприятии субъектом X некоторой ситуации Р и отрицание говорящим реальности Р: X воспринимает Р и неверно, что Р. (У большинства других предикатов пропозициональной установки компонент, соответствующий мнению говорящего об истинности пропозиции, не входит в ассертивную часть смысла и потому не создает затруднений для отрицания). Когда же предикат этого типа получает контрастное ударение, то в фокусе оказывается компонент "мнение говорящего о ложности Р", а "восприятие Р субъектом X" переходит в презумпцию, что создает условия для отрицания. Пропозиция Р в таких случаях чаще всего выступает в прономинализованном виде, ср.: *Ему это ч^ддилось (кажется) / не ч^ддилось (не кажется)*. Отрицание в таких случаях имеет стандартную интерпретацию.

Допуская актуализаторы *будто₁* и *будто₂*, эти предикаты, так же как и перцептивные, имеют запрет на их употребление в контексте отрицания:

(5) *Ему не мерещилось, будто он бредил.

Объяснение этого запрета, однако, иное. Здесь возникает противоречие между семантическим компонентом 'говорящий считает, что неверно, что неверно, что Р' (= 'говорящий считает, что Р') в составе *не мерещилось* и компонентами 'неверно, что говорящий считает, что Р' в составе *будто₁* и 'говорящий считает, что неверно, что Р' в составе *будто₂*.

Использование актуализатора *чтобы* при данных предикатах запрещено как в утвердительном, так и в отрицательном контексте, так как в обоих слу-

чаях денотативный статус зависимой пропозиции не соответствует тому, который выражается союзом *чтобы*: отсутствует требуемая нейтральность говорящего в отношении к истинности Р.

Ментальные предикаты

1. Предикаты "внутреннего зрения".

Предикаты "внутреннего зрения" — *представлять (себе), воображать*₁ — не имеют естественного отрицания. То есть предложения типа *Он представлял себе, как они гуляют по парку* не имеют соответствующих им общеотрицательных. (В других своих значениях они свободно подвергаются отрицанию. Ср. *Он не представлял себе, что здесь так красиво. Он не воображает, что сделал открытие.* (О разных значениях *воображать* см. [12])).

В отличие от перцептивных предикатов придаточные, вводимые союзом *как*, при предикатах "внутреннего зрения" могут быть отрицательными. Объясняется это так же, как и в случае с предикатами памяти (см. выше с. 85); источником "представления" и в этом случае является не реальность, где не бывает "отрицательных" явлений и событий, а сознание субъекта.

2. Предикаты мнения.

Предикаты мнения в подавляющем большинстве имеют естественное отрицание, но для части их — *думать, верить, находить, предполагать, полагать*¹, *считать, казаться*₁, *видеть*₂, *ждать, ожидать* — отрицание интерпретируется нестандартно: в семантической структуре отрицательных предложений с этими предикатами оператор 'неверно, что' связан не с вер-

¹ Глагол *полагать* теперь редко употребляется с отрицанием, но это ограничение не имеет, по-видимому, семантической мотивировки.

шиной всего предложения, а с вершиной подчиненной пропозиции. Семантические свойства данных предикатов, создающие условия для такой интерпретации отрицания при них, подробно описаны в [13].

Запрет на *будто* в контексте отрицания при предикате. Некоторые предикаты мнения — *казаться*, *воображать*₂, а также в форме 3-го лица или прошедшего времени *допускать*, *уверен*, *убежден* и др. могут вводить придаточное с помощью союза *будто*. Из всех них только предикат *воображать* сохраняет такую возможность в контексте отрицания. Объяснение этому факту то же, что и для перцептивных предикатов: актуализатор *будто*₁ маркирует пропозицию как "неизвестное", а интродукция "неизвестного" требует такой модальной рамки, которая содержит определенное отношение говорящего, либо третьего лица, к истинности зависимой пропозиции. Только в случае *X не воображает, будто Р* это условие соблюдается, так как за лексемой *воображать*₂ закреплена оценка говорящим зависимой пропозиции как ложной.

Возможность союза *чтобы* в контексте отрицания. Ряд предикатов мнения, так же как и перцептивные, допускает при отрицании введение придаточного с помощью союза *чтобы*. Это предикаты *думать*, *верить*, *находить*, *предполагать*, *допускать*, *ожидать*. Например, *Мы гуляли по городу. М.А. не нашел, чтобы он очень изменился за те шесть-семь лет, которые прошли со времени его странствий* (Предикат *сомневаться*, содержащий внутрилексемное отрицание, напротив, допускает *чтобы* в отсутствие грамматического отрицания и теряет эту возможность в утвердительном контексте).

В работе [14] сделана попытка связать это свойство ряда предикатов мнения (и не только их) с наличием в

их семантической структуре компонента 'мнение сформировано на основании информации, полученной из источника, неконтролируемого рациональным компонентом сознания субъекта'. Тогда невозможность *чтобы* после не считать, не полагать объясняется тем, что данные глаголы описывают "ситуацию получения информации при частичном участии рационального сознания". Однако если все дело только в отсутствии контроля со стороны рационального сознания, то остается неясным, почему нельзя вводить придаточные с помощью *чтобы* в контексте отрицания после таких предикатов, как *уверен, убежден, вообразить₂, подозревать*. Ясно, что без натяжки нельзя приписать им признак 'получения информации при частичном участии рационального сознания'. Ср. разное отношение *считать* и *быть уверенным* к распространителям, эксплицитно отвергающим рациональный источник мнения: *Сам не знаю почему, но я уверен (*считаю), что этого делать не следует*.

Предложенная выше характеристика актуализатора *чтобы* объясняет невозможность употребления этого союза и в тех случаях, когда ссылка на "рациональный источник" не срабатывает. Необходимым условиям употребления *чтобы* удовлетворяют те предикаты мнения, которые либо сами по себе (*сомневаться*), либо с отрицанием выражают оценку субъектом X пропозиции Р как маловероятной, но возможной, при нейтральном отношении говорящего к истинности Р. Предикаты *считать, полагать, уверен, убежден, сомневаться, допускать* в контексте отрицания выражают отличный от требуемого тип оценки субъектом X истинности Р: достоверно истинно (*Х не сомневается, что Р*); достоверно ложно (*Х не считает (не полагает, не допускает), что Р*); Р вероятно, хотя возможно и не Р (*Х не уверен (не убежден) что Р*). Предикаты *вообразить₂* и *подозревать* нарушают требование

нейтральности говорящего по отношению к истинности P : *вообразать*₂ пресуппонирует мнение говорящего о ложности P , а *подозревать* в контексте отрицания приобретает презумпцию истинности P . Однако и данное объяснение не универсально. Так, предикат *казаться*₂, по всем параметрам совпадающий с *думать* и т.п., не употребляется с *чтобы*: ?*Мне не кажется, чтобы его это могло заинтересовать.*

3. Предикаты знания.

Предикаты знания, к которым мы относим все глаголы и предикативы, выражающие ментальное состояние знания, достижение этого состояния (понимание), его поддержание или утрату (память), допускают отрицание в его стандартной интерпретации. Зависимая от них пропозиция может быть и положительной, и отрицательной. Как правило, наличие отрицания при предикате не влияет на набор актуализаторов зависимой пропозиции — *что* и *ли* (и другие формы косвенного вопроса).

Исключение составляет предикат *помнить*, в контексте отрицания допускающий *чтобы*. Это опять-таки объясняется тем, что при отрицании этого предиката удовлетворяются условия употребления данного актуализатора. Предложение вида *Х не помнит, чтобы Р* описывает ситуацию, в которой: 1) говорящий нейтрален в отношении к истинности P (в противном случае использовался бы актуализатор *что*); 2) X считает P маловероятным, но возможным (см. выше (3')). X не может быть уверенным в ложности P , так как отсутствие P в памяти X -а не гарантирует того, что в действительности ситуация P не имела места. Отмеченное выше у перцептивных предикатов различие в интерпретации структур *чтобы Р* и *Р ли* наблюдается и у предиката *помнить*. Ср.:

(6) *Он не помнит, чтобы она вела дневник.*

(7) *Он не помнит, вела ли она дневник.*

(6) предполагает наличие у субъекта в прошлом возможности получить информацию о данном предмете, а также значимость данного предмета для субъекта (если бы это было, он бы обязательно запомнил). Вот почему (6) естественно в устах близкого к "ней" человека. (7) не связано с подобными предположениями. Ср.:

(6') *Он не помнит, вела ли она дневник, потому что это его в то время мало интересовало.*

(7') **Он не помнит, чтобы она вела дневник, потому что это его в то время мало интересовало.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Fillmore Ch. Types of lexical information // Studies in syntax and semantics. Dordrecht, 1969.
2. Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16.
3. Разлогова Е. Э. Логические отношения между смыслом и его компонентами // НТИ. Сер. 2. 1982. N 1.
4. Богуславский И. М. Отрицание и противопоставление // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982.
5. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
6. Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Денотативный статус отглагольных имен // НТИ. Сер. 2. 1981. N 12.
7. Падучева Е. В. О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2. 1986. N 1.
8. Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1980. Т. 39. N 4.
9. Арутюнова Н. Д. Глагол *видеть* в функции предиката пропозициональной установки // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.
10. Падучева Е. В. Слова, подчиняющие косвенный вопрос: список или семантический класс? // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.
11. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
12. Зализняк Анна А. К проблеме фактивности глаголов про-

позициональной установки // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.

13. *Кобозева И. М.* Отрицание и пресуппозиции: (В связи с правилом перенесения отрицания в русском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
14. *Лауфер Н. И.* Об одном способе выражения мнения // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.

Е. Э. Разлогова

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ В ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ И УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Проблема семантического анализа средств выражения причины и условия в естественном языке, а также анализ предложений с причинно-следственными и условными связями представляет не только самостоятельный интерес в рамках логического анализа естественного языка (см., например [1; 2; 3]), но и является чрезвычайно актуальной в связи с построением моделей понимания текста [4], диалоговых систем, призванных, в частности, отвечать на вопросы типа "Почему Р?".

Цель данной работы: а) вывести семантический инвариант, общий как для слов со значением причины (*потому что, причина, из-за* и т.п.), так и для слов, выражающих условие (*если, условие*); б) показать, что кажущееся разнообразие значений конструкций типа "Q потому что Р", или "Если Р, то Q" вызвано отсутствием в некоторых типах таких предложений (в поверхностной структуре) предикатов пропозициональной установки при Р и/или при Q (при том, что эти предикаты должны быть обязательно представлены в толковании таких предложений); в) построить классификацию всех возможных типов

предложений в зависимости от наличия/отсутствия глаголов пропозициональной установки в их толковании, а также более детальную классификацию, где учитывается выраженность/невыраженность пропозициональной установки в поверхностной структуре.

В качестве общего значения для причинных и условных конструкций предлагается принять так называемую каузальную импликацию $P \perp Q$, которая предполагает, что P "порождает" Q , а следовательно: а) события P и Q связаны между собой и б) P имеет место раньше Q или одновременно с Q , например (1) *Железо нагревается от трения*, (2) *Если в дом попадает снаряд, то дом разрушается*.

Однако предложения (3—7) на первый взгляд не укладываются в эту схему: (3) *Если Иванов решил задачу, то Петров ее тоже решил*; (4) *Закройте окно, потому что здесь холодно*; (5) *Он пишет отчет, потому что скоро конец года*; (6) *Я буду есть мясо крокодила, потому что оно очень полезно*; (7) *Мальчик убежал, потому что залаяла собака*¹.

Легко видеть, однако, что в этих предложениях опущены предикаты пропозициональной установки², которые условно можно было бы подразделить на 5 классов: 1) предикаты восприятия — *видеть, слышать, чувствовать* и т.п.; 2) когнитивные (эпистемические) предикаты — *знать, считать* и т.п.; 3) интенциональные предикаты — *намереваться, собираться, решить*; 4) оптативные предикаты — *хотеть, надо*; 5) эмоциональные предикаты — *бояться, обрадоваться* и т.п. Так, предложение (3) должно быть истол-

¹ Это обстоятельство заставило некоторых исследователей (см., например [2]) отказаться от понятия "следования" для описания каузальных и условных конструкций.

² Для каузальных конструкций эта особенность в той или иной форме отмечалась и ранее (см. [5], а также [4] и [6]). Для условных конструкций некоторые случаи эллипсиса рассматриваются в [7].

ковано как (3') *Если <известно, что> Иванов решил задачу, то <я уверен, что> Петров ее тоже решил.* Сами события, отраженные в посылке и следствии предложения (3), могут быть никак не связаны между собой, более того Петров мог решить задачу раньше Иванова, однако в (3) речь идет не о самих этих событиях, а о знаниях о них: знание об одном "порождает" знание о другом. Предложение (4) может быть преобразовано в (4') *<Я выражаю желание, чтобы> вы закрыли окно, потому что <чувствую, что> здесь холодно.* Здесь ощущение порождает желание. В (5), однако, пропозициональный глагол подразумевается только при Р: (5) *Он пишет отчет, потому что <знает, что> скоро конец года.* Знание порождает действие. В (6) мнение (о том, что мясо крокодила полезно) порождает намерение (его есть). В (7) эмоция (испуг или, быть может, просто слуховое восприятие) порождает действие.

Как видно из приведенных выше примеров, "скрытая" пропозициональная установка может принадлежать как автору высказывания (см. (3), (4) и (6)), так и субъекту высказывания (ср. (5) и (7)). Таким образом мы рассматриваем "внутренние" модальности, т.е. модальности внутри высказываний типа *Q потому что Р* и *Если Р, то Q*, а не внешнюю модальность, хотя внутренняя модальность первой пропозиции (*Q* для причины, *Р* для условия) может сливаться с внешней модальностью.

Можно считать, что при наличии в каузальной конструкции имплицитной установки при *Р* и/или *Q* само *Р* и/или *Q* (без этой установки) тем не менее утверждается в пресуппозиции предложения. Так в (7) в принципе утверждается не только (8) *Мальчик услышал (или испугался), что громко залаяла собака,* но и (8') *Собака громко залаяла* или, что то же самое (8'') *Автор высказывания также убежден*

в том, что собака громко залаяла. Однако отношение следования в (7) устанавливается именно с (8), а не с (8').

Рассматриваемые пропозициональные установки (подобно иллокутивным функциям) могут частично восстанавливаться из прагматического контекста, поэтому одно и то же предложение в зависимости от речевой ситуации может, в принципе, трактоваться по-разному. Например, (9) *Кошка ест мышей, потому что она хищник* можно интерпретировать, например, как $\langle \text{Известно, что} \rangle Q$, потому что $\langle \text{известно, что} \rangle P$ или как $Q \langle \text{нормально} \rangle$, потому что $\langle \text{известно что} \rangle P$ или просто как Q , потому что P . Таким образом, для каждого примера следовало бы уточнять речевую ситуацию.

Прямым указанием на наличие скрытых пропозициональных установок является обратная временная зависимость между P и Q : (10) *Если сейчас в квартире никого нет, значит Петя вчера уехал* или (10') *Петя вчера уехал, потому что сейчас в квартире никого нет*. Однако во многих случаях наличие имплицитной пропозициональной установки не сопровождается нарушением временной последовательности (см., например [7]).

В предложениях типа дефиниций, таких, например, как (11) *Если фигура — треугольник, то сумма ее углов равна 180°* , P и Q можно трактовать как события одновременные (т.е. в тот момент, когда сумма углов становится равной 180° , фигура становится треугольником), или же можно считать — и это, по-видимому, более естественно, — что при P и при Q опущены пропозициональные предикаты: (11') *Если $\langle \text{известно, что} \rangle$ эта фигура — треугольник, то $\langle \text{известно, что} \rangle$ сумма ее углов равна 180°* , и тогда одно знание "порождает" другое, т.е. одно знание предшествует другому.

Таблица 1

№ кл.	P	Q	Примеры
1	Об.	Об.	Он упал, потому что его толкнули; а также (1) и (2)
2	Об.	Суб.	Ему <i>казалось</i> , что весь мир враждебно к нему настроен, потому что без его ведома его начали облучать гамма-лучами
3	Суб.	Об.	Женя спрятался в углу, потому что <i>не хотел</i> , чтобы его видели. См. также (5), (7)
4	Суб.	Суб.	Если <i><я вижу, что></i> в окнах нет света, <i>значит</i> его нет дома. См. также (3), (4), (6)

Рассмотрим простую классификацию предложений, отражающих причинно-следственные и условные связи типа *Q, потому что P, Если P, то Q* (табл. 1). Если при P (или при Q) в толковании таких предложений имеется предикат пропозициональной установки, мы будем считать P (или Q) субъективным суждением. В противном случае — объективным суждением.

В табл. 2 отражена более детальная классификация интересующих нас предложений, где учитывается не только факт наличия/отсутствия предикатов пропозициональной установки в P или в Q в толковании предложения, но и факт наличия/отсутствия этих предикатов в его поверхностной структуре (эксплицитные субъективные суждения и имплицитные субъективные суждения).

Указанная особенность каузальных и условных конструкций приводит к тому, что следование в естественном языке не всегда обладает свойством транзитивности. Так из (12) и (13) не следует (14):

Таблица 2

N кл.	P	Q	Примеры
1	Об.	Об.	Он упал, потому что его толкнули; а также (1) и (2)
2а	Об.	Суб. (экспл.)	Если дать человеку это лекарство, он будет <i>радоваться</i> 24 часа в сутки (см. также пример в табл. 1, кл. 2)
2б	Об.	Суб. (импл.)	Лес <i><кажется, что лес ...></i> совсем синий, потому что в окнах синие стекла*
3а	Суб. (экспл.)	Об.	Он убежал, потому что <i>услышал</i> лай собаки
3б	Суб. (импл.)	Об.	Он убежал, потому что <i>залаяла</i> собака
4а	Суб. (экспл.)	Суб. (экспл.)	Он <i>намерен</i> жениться на ней, пото- му что <i>считает</i> , что это выгод- ная партия
4б	Суб. (импл.)	Суб. (экспл.)	Он <i>хочет</i> жениться на ней, потому что <i><уверен, считает, что></i> это выгодный брак
4в	Суб. (экспл.)	Суб. (импл.)	Отправляйся к нему <i><Я хочу,</i> чтобы ты отправился>, потому что <i>надо</i> забрать у него письма
4г	Суб. (импл.)	Суб. (импл.)	<i><Я считаю, что></i> У него ангина, потому что <i><знаю, что></i> в горле у него налеты <i><Я уверен, что></i> эта фигура — треу- гольник, потому что <i><знаю, что></i> сумма ее углов равна 180° . <i><Я уверен, что></i> сумма углов этой фигуры равна 180° , потому что <i><знаю, что></i> это треугольник

* Этот класс, по всей видимости, является самым малочисленным. "Объективность" P в данном случае становится очевидной, если попытаться дополнить P эпистемической установкой **Лес совсем синий, потому что известно, что в окнах синие стекла.*

(12) *Преподаватель удивился, потому что студенты не явились на лекцию.*

(13) *Студенты не явились на лекцию, потому что их отправили на полевые работы.*

(14) *Преподаватель удивился, потому что студентов отправили на полевые работы.*

В (12) пропущена пропозициональная установка типа *понять, увидеть, узнать* при Р (*узнал, увидел, что студенты не явились на лекцию*), причем эта пропозициональная установка возникает и в (14); однако из (12) и (13) не следует, что преподаватель знал, что студентов отправили на полевые работы. Эта особенность присуща не только глаголу *удивляться*, но и многим другим предикатам с установочными компонентами, например, *радоваться, огорчаться, считать, вздрогнуть, жаловаться* и т.п. Явление нетранзитивности в общем случае возникает, по-видимому, тогда, когда 1) причиной является мотив действия или состояния, 2) пропозициональная установка в придаточном эксплицитно не выражена. Так, например, из (15) и (16) не следует (17):

(15) *Отец лишил дочь наследства, потому что она сбежала из дома.*

(16) *Дочь сбежала из дома, потому что влюбилась в английского офицера.*

(17) *Отец лишил дочь наследства, потому что она влюбилась в английского офицера.*

Даже в том случае, если факт влюбленности в английского офицера был известен субъекту высказывания, возможно, не он заставил отца лишить дочь наследства³. Однако при той же пропозиции (*Отец*

³ Следует отметить, что здесь, по-видимому, речь идет не о противопоставлении событий и фактов, о котором писал З. Вендлер [1]. В свете всего сказанного выше его гипотеза о том, что в качестве причины за редким исключением выступают факты, кажется весьма сомнительной.

лишил дочь наследства) в качестве причины может выступать не мотив, а какое-либо внешнее обстоятельство, причём в этом случае транзитивность в целом сохраняется.

(18) *Отец лишил дочь наследства, потому что сошел с ума.*

(19) *Отец сошел с ума, потому что у него была дурная наследственность.*

(20) *Отец лишил дочь наследства, потому что у него была дурная наследственность.*

Легко видеть, что (18) и (20) не требуют дополнительных пропозициональной установкой. Однако в силу нестрогости правил, лежащих в основе каузальных утверждений, и возможности использования таких утверждений даже в тех случаях, когда названная причина не является единственной, восприятие "далеких" каузальных связей в целом затруднено.

Описанное свойство каузальных и условных конструкций приводит также к образованию некоего "порочного" круга, когда в рамках одной ситуации можно утверждать, как *А, потому что В*, так и *В, потому что А*. В одном случае, однако, имеется в виду утверждение, относящееся к 1-му классу (Р и Q — объективны), в другом — к 4-му (Р и Q — субъективны).

(21) *В квартире (сейчас) никого нет, потому что жильцы (вчера) уехали.*

(22) *Жильцы уехали, потому что в квартире никого нет.*

Может показаться, что рассматриваемая нами каузальная импликация в отличие от материальной не допускает выводов типа (23) *Если снег черный, то $2 \times 2 = 5^4$* . Действительно, Р и Q здесь не связаны по

⁴ Каузальная импликация исходно была предложена для преодоления трудностей, возникающих в связи с использованием материальной импликации.

смыслу, и это предложение никак нельзя отнести к 1-му классу. Однако его вполне можно отнести к классу 4г: *Если <известно, что> снег черный, то <известно, что> $2 \times 2 = 5$* . Здесь "знание" порождает другое "знание", что в принципе возможно, если в нашей когнитивной системе есть правило, позволяющее сделать переход от первого знания ко второму. Специфика естественного языка такова, что предложения типа (23) в каком-то смысле неистребимы.

Разумеется, описанные выше особенности не отражают всего многообразия типов причинно-следственных и условных связей. Здесь следует учитывать также и другие факторы: 1) наличие/отсутствие пресуппозиций типа Р — истинно и/или Q — истинно (см. [3]); 2) тип пропозиционального (скрытого или явного) предиката при Р и/или при Q, а также наличие пресуппозиций типа 'Р — благоприятно для Х', 'Р неблагоприятно для Х' и т.п.

Однако совершенно очевидно, что предикаты пропозициональной установки, и в первую очередь предикаты знания и мнения, играют решающую роль при нормализации причинно-следственных и условных конструкций, что еще раз подчеркивает важность этого класса в логической организации естественного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендлер З. Причинные отношения / Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVIII.
2. Гладкий А.В. О значении союза *если* // Семиотика и информатика. М., 1982. Вып. 18.
3. Ryle G. "If", "so" and "because" // *Philosophical analysis: A collection of Essays* / Ed. M. Black. Ithaca (N.Y.), 1950.
4. Казакевич О.А. Модель причинности в системе автоматического понимания текста // *Вычислительная лингвистика*. М.: Изд-во МГУ, 1982.
5. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1970. N 3.

6. Разлогова Е.Э. О некоторых типах семантических отношений: (Каузальные и когнитивные связи) // IX Всесоюзный симпозиум по кибернетике: М., 1981. Т. I. Представление знаний.
7. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметрической структуры. Воронеж, 1980.

Анна А. Зализняк

О ПОНЯТИИ ИМПЛИКАТИВНОГО ТИПА [ДЛЯ ГЛАГОЛОВ С ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫМ АКТАНТОМ]

За время, прошедшее после появления известной статьи П. и К. Кипарских о фактивных глаголах [1], стало понятно, что противопоставленные им нефактивные глаголы бывают нескольких типов — причем эти типы различаются признаками той же природы, что и те, которые были положены в основу определения самого понятия фактивности. Речь идет об имплицативных отношениях, связывающих истинность главной предикации с истинностью подчиненной. Этой проблематике посвящен ряд работ Л. Карттунена (см., в частности [2]); несколько шире — а именно, в плане соотношения истинности предложения в целом с истинностью какого-либо из компонентов его смысла — ставится задача у А. Богуславского [3, с. 44—55] и в статье Е.Э. Разлоговой [4], где строятся исчисления типов этих соотношений.

Предметом данной работы являются глаголы с пропозициональным актантом (пропозициональные глаголы)¹, которые анализируются с точки зрения со-

¹ Среди них наибольший интерес для нас представляют глаголы пропозициональной установки; кроме того, сюда входят: каузативные глаголы (типа *заставить*), "диатетические" по Балли [5] (обозначающие отношение к собственному действию — типа *пытаться*), а также модальные, фазовые и некоторые другие (ср. классификацию глаголов, образующих конструкцию с предикатным актантом, в [6, с. 5]).

держащихся в их значении требований, или импликаций, относительно истинности подчиненной предикации. В работе строится исчисление возможных типов этих требований — мы будем называть их импликативными типами, — которое позволяет произвести классификацию пропозициональных глаголов (или их отдельных употреблений) на основании принадлежности к тому или иному импликативному типу.

Импликативный тип пропозиционального глагола есть пара $\langle v(ПП)^+, v(ПП)^- \rangle$, где $v(ПП)^+$ — это истинностное значение подчиненной предикации (ПП) в утвердительном предложении, а $v(ПП)^-$ — истинностное значение ПП в соответствующем отрицательном предложении. Параметр истинности для ПП полагается при этом принимающим три значения: И — ‘истина’, Л — ‘ложь’ и \emptyset — ‘нейтральность’ (для случая, когда ПП не охарактеризована по параметру истинности). Например, пара $\langle И, Л \rangle$ соответствует ситуации, когда в утвердительном предложении с данным глаголом ПП истинна, а в отрицательном — ложна: так, для предложения (1а) *Ему удалось победить* истинно ‘он победил’, а для (1б) *Ему не удалось победить* ‘он победил’ ложно. Значения И и Л в характеристике импликативного типа говорят о наличии в семантике глагола импликации относительно истинности его ПП: в случае И это будет фактивная импликация (импликация истинности ПП), в случае Л — контрфактическая (импликация ложности ПП). \emptyset означает отсутствие в семантике глагола какой-либо импликации относительно истинности его ПП. Если глагол имеет одинаковую импликацию в утвердительном и в отрицательном предложении, то мы имеем дело, очевидным образом, с презумпцией² — соответ-

² Ср. определение понятий entailment и presupposition в [7, с. 174—179].

ственно фактивной <И, И> и контрфактической <Л, Л>.

Все девять возможных комбинаций реально представлены в русском языке — см. таблицу на с. 110—111.

Замечание 1. Обратим внимание, что в определении имплицативного типа для подчиненной предикации фигурирует ее истинностное значение, а для предложения в целом (для главной предикации) мы — вслед за Карттуненом — пользуемся противопоставлением, касающимся его логической формы: "утвердительное — отрицательное". Такой подход представляется нам лингвистически более оправданным, так как он изначально ориентирован на семантику языковых единиц: импликация относительно истинности ПП рассматривается как свойство языкового выражения, а не метаязыковой сущности, каковой является предложение с приписанным ему истинностным значением.

Замечание 2. Для того чтобы приписывание истинностного значения соответствовало нашей интуиции (т.е. в частности, чтобы оно было одним и тем же для подчиненной предикации в предложениях *Я рад, что он приехал / что он приедет / что он хороший человек*), говоря об истинности, мы имеем в виду ее субъективный аналог — "ощущение истинности", или "знание" говорящего (см. об этом подробнее в [8]). Эта оговорка важна прежде всего применительно к глаголам пропозициональной установки; в прочих случаях истинность ПП может пониматься как существование ситуации, описываемой ПП, к моменту, с которым соотносится действие главного глагола (см. [2]); ср. также параметр "реализованность/нереализованность действия зависимого глагола в момент реализации действия главного глагола", положенный в основу классификации глаголов с предикатным актантом в [6, с. 40].

Таблица

N им- плик. типов	Истин. знач. ПП		Примеры	
	в утвердит. гл. предл.	в отрицат. гл. предл.	глаголы пропозиц. установки	прочие
1	И	И	знать сожалеть помнить догадаться <что> забыть <что> рад удивлен	
2	И	Л		заставить суметь удаться осмелиться успеть догадаться <+инф.> начать
3	И	Ø	доказать обнаружить	
4	Л	И	лгать врать заблуждаться ошибаться	помешать избежать забыть <+инф.> постесняться постыдиться побояться полениться кончить

Таблица (окончание)

№ им- плик. типов	Истин. знач. ПП		Примеры	
	в утвердит. гл. предл.	в отрицат. гл. предл.	глаголы пропозиц. установки	прочие
5	Л	Л	<i>хотеть</i> <i>ждать</i> <i>предчувствовать</i> <i>сниться</i> <i>мечтать</i>	<i>мочь</i> <i>должен</i>
6	Л	Ø	(опровергнуть)	
7	Ø	И		<i>стыдиться</i> <+инф.> <i>стесняться</i> <+инф.> <i>бояться</i> <+инф.>
8	Ø	Л		<i>решиться</i> <i>согласиться</i> <i>пытаться</i>
9	Ø	Ø	<i>думать</i> <i>считать</i> <i>полагать</i> <i>бояться</i> <что> <i>надеяться</i> <i>сомневаться</i> <i>говорить</i> <i>отрицать</i> <i>утверждать</i>	

Замечание 3. Глаголы пропозициональной установки рассматриваются нами только в конструкции с придаточным с *что* (т.е., например, конструкции с *как* и с косвенным вопросом вообще из рассмотрения исключаются). В сочетании с инфинитивом — типа *догадался спросить* — глаголы пропозициональной установки выступают в диатетическом значении, т.е., строго говоря, не являются глаголами пропозициональной установки. Предлагаемая классификация глаголов по имплицативным типам независима от деления глаголов на фактивные, семифактивные и нефактивные у З. Вендлера [9], которая проводится по другому основанию (по способности глагола сочетаться с различными — с точки зрения фактивности вводимой ПП — типами придаточных).

Комментарии к таблице.

Тип 1 <И, И> включает фактивные глаголы и не нуждается в комментариях.

Типу 2 <И, Л> соответствуют в классификации Карттунена имплицативные глаголы (см. пример (1); глаголов пропозициональной установки, которые относились бы к этому типу, нам обнаружить не удалось). Типу 4 <Л, И> соответствуют отрицательные имплицативы: помимо диатетических глаголов (таких, как *избежать*, *забыть* <+инф>), которые называет Карттунен, сюда же следует отнести, например, глагол *лгать*; ср.: *Он солгал, что встретился с ней случайно* (ПП ложна) и *Он не солгал, что встретился с ней случайно* (ПП истинна). Заметим, что остальные четыре класса, выделяемые в [2] (*if*-глаголы, *only-if*-глаголы и т.д.), в русском языке отсутствуют, так как английские глаголы, составляющие эти классы, расщепляются в русском языке на два видовых значения, в которых реализуются разные имплицативные типы. Так, например, английскому *prevent* (отрицательный *if*-глагол) в русском языке

соответствует сов. вид *помешать* (отрицательный имплицатив, т.е. тип 4) и несов. вид. *мешать*, не содержащий никаких импликаций относительно истинности ПП (тип 9).

Примером имплицативного типа 3 $\langle \text{И}, \emptyset \rangle$ может служить глагол *доказать*: Ср.: *Иван доказал, что он невиновен* (ПП истинна) и *Иван не доказал, что он невиновен* (истинностное значение ПП — \emptyset).

Имплицативный тип 5 $\langle \text{Л}, \text{Л} \rangle$ реализуется прежде всего в глаголах "перспективной" семантики, т.е. таких, у которых подчиненная предикация соотносится обязательно с будущим событием. Поэтому сюда относится *ждать*, но не *надеяться* (так как *надеяться* может сочетаться с именем уже совершившегося события, например: *Надеюсь, что все кончилось благополучно*). С другой стороны, к типу 5 относятся такие глаголы, как *мечтать* — предполагающие несоответствие действительности ситуации, описываемой ПП, а также модальные глаголы *мочь* и *должен*.

Тип 6 $\langle \text{Л}, \emptyset \rangle$ — наиболее редкий; единственный пример, который нам удалось обнаружить — глагол *опровергнуть*, может быть отнесен сюда лишь условно, так как он не управляет придаточным с *что*.

Примеры на другой редкий тип 7 $\langle \emptyset, \text{И} \rangle$ — *стыдиться*, *стесняться* — принадлежат И.М. Богуславскому [10, с. 37]. Однако для отнесения этих глаголов к типу $\langle \emptyset, \text{И} \rangle$ необходимо дополнительное условие: глагол в подчиненной предикации должен быть в форме несов. вида, так как при сов. виде подчиненного инфинитива истинностное значение ПП в утвердительном предложении — Л, а не \emptyset ; ср.: *Иван стесняется рассказывать о своем прошлом* (рассказывает или не рассказывает), но *Иван стесняется рассказать* (не рассказывает).

Тип 8 $\langle \emptyset, \text{Л} \rangle$ представлен глаголами *решиться*,

согласиться, пытаться. Так, предложение *Он решился рассказать отцу о своем намерении* не содержит импликаций относительно истинности подчиненной предикации (может быть, уже рассказал, а может быть, еще нет) — в то время как из *Он не решился рассказать ...* следует, что не рассказал (т.е. в отрицательном предложении присутствует контрфактическая импликация). Заметим, что семантически близкие к перечисленным глаголы *решить* <+инф.> и *стараться* не относятся к этому имплицативному типу: *решить* <+инф.> (под отрицанием: *не решил*, <делать или нет>) принадлежит к типу 5 <Л, Л>, *стараться* — к типу 9 <∅, ∅>; ср.: *Маша старалась хорошо учиться* (возможное продолжение: ...и была первой ученицей в классе или: ... но ей никак не давалась география); *Маша не старалась хорошо учиться* (... у нее это получалось само собой или: ... и ее не огорчали плохие отметки).

Имплицативные типы 7 и 8 не встречаются среди глаголов пропозициональной установки.

К типу 9 <∅, ∅> относится большинство глаголов мнения; и в утвердительной и в отрицательной форме они нейтральны относительно истинности подчиненной предикации. Этим же свойством обладают глаголы *заставлять* и *мешать*.

Ниже приводятся несколько примеров, иллюстрирующих использование понятия имплицативного типа при семантическом анализе. А именно, мы покажем, что многие случаи неоднозначности глаголов пропозициональной установки обусловлены способностью глагола в разных контекстах (т.е. в разных употреблениях или значениях) принадлежать к разным имплицативным типам.

Глагол *понимать*, в своем основном значении фактивный, может утрачивать фактивную презумпцию. Ср.:

(2) а. Он понял \, что мне это не понравилось (факт.)

б. Он понял³, что мне это не понравилось \. (нефакт.)

В (2б) глагол *понимать* не имеет никаких импликаций относительно истинности ПП (так, продолжением для (2б) может быть ... но он ошибается или: ...и он не ошибся).

Реальность существования такого нефактивного значения у глагола *понимать* подтверждается также наличием сочетания *неправильно понял*. Понимание здесь представлено как "ощущение понимания" — как определенное состояние концептуального мира субъекта установки безотносительно к истинности. В самом деле, только такое "нефактивное" понимание может быть неправильным и при этом все же оставаться пониманием. В случае использования этого глагола в его исходном, фактивном значении та же ситуация должна быть описана не как *Ты меня неправильно понял*, а как *Ты меня не понял*³.

Как оказывается, не исключено даже нефактивное употребление глагола *знать* — употребление, ориентированное исключительно на эпистемическое состояние субъекта установки, ср.: [Мать пишет в письме сыну] *Высылаю тебе сто рублей (отец знает, что тридцать)*. При более стандартном словоупотреблении глагол *знать* здесь должен быть заменен на *думать* (*полагать, уверен*).

Утрата фактивной презумпции — характерное явление в классе глаголов восприятия; при этом меняется лексическое значение глагола — от восприятия к мнению, основанному на чувственных данных:

³ Аналогичная потенциальная неоднозначность глагола лежит в основе спора о том, является ли неправильное решение все же решением — т.е. прав ли школьник, говоря, что он "решил задачу, но неправильно", или учитель, утверждающий, что "решил неправильно" не бывает, так как это значит — не решил.

(3) а. *Я вижу, что на дороге появился всадник* (факт.)

б. *Я вижу, что ты недоволен* (нефакт.).

Для некоторых глаголов восприятия возможна еще одна ступень семантической деривации, на которой глагол снова становится фактивным:

(4) а. *Я чувствую, что у меня не хватает дыхания* (факт.)

б. *Я чувствую, что меня обманывают* \ (нефакт.)

в. *Иван чувствует* \, *что его обманывают* (факт.).

Наоборот, некоторые нефактивные глаголы могут приобретать фактивную презумпцию (см. об этом в [11]); ср. (5а) с (5б) и (5в):

(5) а. *Я сказал, что ты ничего не знаешь* (нефакт.)

б. *Я сказал* \, *что ты ничего не знаешь* (факт.)⁴

в. *Я не сказал, что ты ничего не знаешь* (факт.).

Противопоставление фактивного и нефактивного употребления глагола выражается различием во фразовом ударении: фактивному пониманию соответствует акцент на глаголе (придаточное предложение, составляющее презумпцию, является безударным), а нефактивному — наоборот, на придаточном (глагол в этом случае коммуникативно менее значим — он выступает лишь в функции показателя пропозициональной установки). Ср. нормальное фразовое ударение в предложении с типичным фактивным глаголом (*знать*) и с типичным нефактивным (*думать*):

(6) *Она знает* \, *что встреча назначена на девять*

(7) *Она думает*, *что встреча назначена на девять* \.

Рассмотрим теперь глаголы *казаться* и *воображать*. У *казаться* следует различать по крайней

⁴ Для предложения (5б) возможно и такое употребление, при котором оно не является фактивным: когда презумпция истинности ПП заменяется прагматической презумпцией (презумпцией известности); ср.: *Я сказал* \, *что ты ничего не знаешь* — *как мы с тобой договорились*.

мере два значения⁵. Так, чтобы объяснить осмысленность диалога

(8) — *Мне показалось, что ты чем-то расстроен*
— *Тебе это показалось*

достаточно сказать, что в первой реплике употреблено *казаться*₁, безразличное к истинности ПП (тип 9), а во второй — *казаться*₂, принадлежащее к типу 4, т.е. содержащее контрфактическую импликацию в утвердительном предложении и фактивную — в отрицательном, как видно из примера (9) *Тебе это не показалось — это так и есть*.

Глагол *воображать* имеет совершенно иной набор значений. Первое — фактивное (*Вообрази: я здесь одна, никто меня не понимает*). Кроме того, имеется еще два значения: оба они содержат контрфактическую презумпцию (тип 5), но различаются тем, разделяет ли субъект установки знание говорящего о ложности ПП (это последнее различие выходит за рамки проблематики имплицативных типов): в *воображать*₂ (*Он воображает, что установил мировой рекорд*) контрфактическая презумпция принадлежит только говорящему⁶, в *воображать*₃ (*Вообразите, что вы идете*

⁵ Вопрос о том, можно ли здесь говорить о разных значениях в точном, лексикографическом смысле слова, мы оставляем в стороне, ограничиваясь лишь выявлением различий в имплицативном типе, свойственных тем или иным контекстным употреблением, — независимо от их природы и их места в семантическом описании.

⁶ В предложениях типа известного примера Г. Фреге *Бebelь воображает, что возвратом Эльзаса и Лотарингии можно умерить реваншистские устремления Франции* ложность подчиненной предикации является не знанием, а мнением говорящего — и тем самым не является действительно ложностью. Так что здесь скорее следует говорить не о контрфактической презумпции, а лишь о противоречии между мнениями субъекта установки и говорящего. Однако поскольку это различие обусловлено контекстом неверифицируемой пропозиции, оно может быть признано несущественным; тем самым, можно считать, что здесь реализуется то же значение *воображать*₂.

не со мной, а с кем-нибудь другим) — также и субъекту установки.

Тем самым близкие на первый взгляд глаголы *казаться* и *воображать*, как оказывается, вообще не имеют значений, которые принадлежали бы к одному и тому же имплицативному типу. Особо следует отметить различие между *казаться*₂ и *воображать*₂: ср. фактивную импликацию в отрицательном предложении (9) и контрфактическую — в (10) *По крайней мере, он не воображает, что установил мировой рекорд.*

Наконец, глагол *подозревать*. В своем основном значении этот глагол — как и остальные глаголы мнения — нефактивный, т.е. нейтральный относительно истинности подчиненной предикации (тип. 9): (11) *Я подозреваю, что это сделал Вася.*

Однако этот глагол допускает и фактивное употребление (формально оно противопоставлено нефактивному характером фразового ударения — ср. выше): (12) а. *Иван подозревает⁷, что его обманули[\], (нефакт.)*

б. *Иван подозревает[\], что его обманули (факт.)¹.* При этом отрицательное предложение (13) имеет только одно понимание — при котором оно является отрицанием к (12б):

(13) *Иван не подозревает, что его обманули.*

Предложение (13), как и (12б), предполагает истинность ПИ 'его обманули' — т.е. в сочетании с отрицанием глагол *подозревать* всегда фактивен. С другой стороны, это означает, что глагол *подозревать* в

⁷ В фактивном значении глагол *подозревать* не может быть употреблен в форме I л. наст. времени: **Я подозреваю[\], что меня обманули.* Объяснение этого запрета состоит в следующем: знание, что Р, составляющее здесь презумпцию, несовместимо с мнением, что Р возможно, — а именно это совмещение и должно было бы произойти при совпадении субъекта установки с говорящим в I л. наст. времени. В прош. времени это противоречие, естественно, снимается.

своём исходном нефактивном значении вообще не присоединяет отрицания.

Возможность присоединения отрицания лишь к одному из вариантов прочтения утвердительного предложения — а именно, к такому, при котором фразовое ударение приходится на глагол, не является уникальным свойством глагола *подозревать*. Это верно также, например, для упоминавшегося уже глагола *чувствовать*: предложение *Иван не чувствует, что его обманывают* является отрицанием только к (4в). Ср. также анализ примеров типа *Мейшок не весит 50 кг*, предложенный И.М. Богуславским: дополнительный по сравнению с 'неверно, что весит 50 кг' смысл 'весит меньше' возникает из-за того, что отрицание здесь присоединено к предложению с акцентом на глаголе, которое само обозначает 'весит 50 кг или больше' [10, с. 27—29].

Заметим, что в прош. времени в контексте отрицания фактивная импликация возникает у большинства глаголов мнения: высказывания *Я/он не ожидал (не рассчитывал, не предполагал, не надеялся, не думал), что она нам поможет* уместны лишь в том случае, когда ситуация 'она нам помогла' имеет место. В утвердительном предложении мнения в прош. времени тоже (хотя и с меньшей обязательностью) присутствует смысл противоречия передаваемого мнения действительности — т.е., наоборот, контрфактическая импликация. Так, странным является предложение *?Я/он думал, что она придет во вторник, и так и случилось* (ср. [12]).

Список глаголов, допускающих — в тех или иных условиях — изменение своего имплицативного типа, может быть продолжен. Мы, однако, на этом остановимся, но в заключение перечислим факторы, которые могут вызывать изменение имплицативного типа.

1. Вид глагола в главной предикации (для гла-

голов, в значение которых входит компонент 'достижение результата': *заставлять* — *заставить*; а также для глаголов более сложной семантики: *бояться* — *побояться*).

2. Вид глагола в подчиненной предикации (для конструкции с инфинитивом): *стесняется рассказать* — *стесняется рассказывать*.

3. Время, лицо, контекст отрицания: см. выше анализ глаголов *воображать*, *подозревать* и прочих глаголов мнения.

4. Оформление подчиненной предикации: а) тип придаточного (в частности, противопоставление придаточного с *что* и с *как* — см. об этом в [13]); б) номинализация (например, значение *казаться*₂ реализуется только в контексте номинализованной ПП).

5. Контекст "миропорождающих операторов" (т.е. сослагательного наклонения, условных союзов, а также подчиняющих операторов типа *сниться*). Это универсальный, но одновременно тривиальный способ снятия фактивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kiparski P., Kiparski C. Fact // Progress in linguistics / Ed. Bierwisch M., Heidolph K. The Hague, 1970.
2. Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика.
3. Bogusławski A. Problems of the thematic-rhematic structure of sentence. Warszawa, 1977.
4. Разлогова Е. Э. Логические отношения между смыслом и его компонентами // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1982. N 1.
5. Bally Ch. Syntaxe de la modalité explicite // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1942. N 2.
6. Типология конструкций с предикатными актантами / Под ред. В.С. Храковского. Л., 1985.
7. Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge, 1983.
8. Зализняк Анна А. Знание как единица семантического языка // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Школа-семинар "Кутаиси-85": Тезисы докл. М., 1985.

9. Vendler Z. Telling the facts // Speech act theory and pragmatics / Ed. J.R. Searle et al. Dordrecht, 1980.
10. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
11. Крейдлин Г. Е. О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциальными актантами // Семантика и информатика. М.: ВИНТИ, 1983. Вып. 21.
12. Дмитриевская М. А. Глаголы знания и мнения: (Значение и употребление). Автореф. канд. дис. М., 1985.
13. Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1980. Т. 39, N 4.

Е. Д. Смирнова

РЕФЕРЕНЦИЯ В ИНТЕНСИОНАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

В современной логике фактически различаются два понятия формы выражений. Первое понятие формы — чисто синтаксическое (оно касается лишь вида знаков, их порядка и способов сочленения). Второе понятие формы, понятие логической формы, является семантическим; оно апеллирует к значениям определенных знаков языка — логических констант, хотя и не зависит от значений конкретных терминов.

Под логической формой обычно понимают способ связи составных частей содержания в отличие от самого содержания мысли [1, с. 8]. Естественно, такое исходное, интуитивное понимание логической формы нуждается в уточнении. Уточнение должно идти по линии выяснения того, что имеется в виду под "составными частями содержания мысли", как выделяются эти составные части и каким образом могут быть представлены различные способы связи между ними.

Построение того или иного формализованного языка базируется на принятии (явном или неявном) определенной типологии значений. При этом следует

различать типы сущностей и категорий языковых выражений.

Способ или способы подразделения выражений на составляющие является первой характеристикой языка. Но это еще не позволяет выявить категориальную структуру языка. Необходимо построить определенную теорию семантических категорий, выделить на ее основе типологию значений выражений рассматриваемого языка и способы связи между ними.

Построение теории семантических категорий становится базой для разработки определенной типологии языков. Языки, во-первых, могут различаться исходными категориями и способами конструирования производных. Далее, они могут различаться тем, как соотносятся синтаксические и семантические категории — иными словами, тем, какие категории выражений расцениваются как значащие, а какие — как неполные символы. Наконец, языки могут различаться по числу и порядку категорий значения (классификация Тарского).

Нет единой, раз и навсегда данной системы категорий значений. Принятие той или иной системы категорий коррелятивно принятию определенных теоретико-познавательных допущений. Различным системам категорий значений соответствуют различные типы логических систем: силлогистика Аристотеля, стандартная логика предикатов, исчисление имен Лесневского, интенциональные логики и др.

Приведенные соображения относительно логической формы и типологии значений дают ключ к анализу различного типа интенциональных контекстов и в том числе — пропозициональных установок.

”Загадка” контекстов мнения [2] и других контекстов с интенциональными предикатами и операторами может связываться с трактовкой простых собственных имен и дескрипций, поскольку именно в этого рода

контекстах не проходит замена кодесигнативных выражений. В этом случае причину нарушения принципа замены эквивалентных усматривают в различии заменяемых имен по смыслу. Решение, соответственно, предлагается либо по линии усиления условий тождества заменяемых выражений (L — эквивалентность, интенциональный изоморфизм, вплоть до требования синонимии заменяемых десигнаторов), либо по пути трактовки собственных имен в духе Милля — как подлинных собственных имен, "твердых десигнаторов". Предполагается, что если функция собственного имени исчерпывается указанием на носителя имени, тогда собственные имена одного и того же объекта (корреферентные имена) взаимозаменяемы в любых контекстах с сохранением истинности. Однако оказывается, что это не так и последнее порождает "загадки" контекстов мнения и других аналогичных контекстов.

Нам представляется, что коллизии, возникающие при взаимозамене корреферентных имен и дескрипций, связаны с логической структурой контекстов, со способом связи составляющих. Вопрос не в том, как характеризовать взятые в изоляции собственные имена — в духе Милля или Фреге и Рассела, а в учете способа их вхождения в сложные контексты. Именно это определяет референциальный (нереференциальный) характер соответствующих вхождений имен.

Только относительно контекстов определенной логической структуры можно говорить о соблюдении в них принципа предметности ("Предложение говорит о денотатах (референтах), входящих в него имен"). При этом сама трактовка собственных имен как твердых десигнаторов или же в духе Фреге не играет роли. В таких контекстах, естественно, проходит замена корреферентных имен ("Петя любит (знает) Машу".

”Петя любит (знает) девочку, живущую в соседней квартире”).

В контекстах же иной логической структуры, где мы имеем дело не просто с обычной операцией приложения функтора к его аргументам, а с иными типами связи, не сохраняется действие принципа предметности и, соответственно, взаимозаменяемость эквивалентных выражений, кореферентных имен (”Шлиманн искал местоположение Трои” и ”Шлиманн искал холм Гисарлык”).

Исследование своеобразия интенциональных контекстов, расширение класса таких контекстов, анализируемых в логике, показывает явно несостоятельность тезиса экстенциональности. Интенциональные языки отличаются прежде всего наличием особых интенциональных операторов и предикатных выражений (например, типа ”полагает, что ...”, ”знает, что ...”, ”Х ищет ...” и т.д.). Естественно, особую роль приобретает семантическая интерпретация такого рода выражений, методы установления их смысла и значения. Во-первых, можно ли им приписывать значения в изоляции и какого рода сущности сопоставляются им в качестве значений (экстенсий)? Или же они выступают как определенного типа синкатегорематические знаки, смыслом, значением наделяются не они сами, а контексты определенного вида, их содержащие? Каков в таком случае метод интерпретации такого рода сложных контекстов и каким образом в них смысл сложного зависит от смысла составляющих? Все эти вопросы касаются принципиальных особенностей интенциональных контекстов, и уже это говорит об определенных принципиальных отличиях их семантик.

Более того, возникает вопрос, в чем суть отличия указанного типа интенциональных контекстов от мо-

дальных контекстов, являющихся неэкстенциональными, но допускающих замену эквивалентных выражений. Зависит ли это от иной интерпретации модальных операторов, отличной от интерпретации упомянутых интенциональных операторов и предикатов, или же дело тут в ином способе истолкования сложных контекстов, содержащих эти операторы?

Интенциональные языки отличаются прежде всего тем, что содержат особые интенциональные операторы и предикатные знаки. Семантика может строиться таким образом, что этим знакам также приписываются как экстенсионалы, так и интенсионалы и при этом — отличные от экстенсионалов и интенсионалов обычных предикатов и операторов. Однако принципиальное отличие языков с интенциональными контекстами состоит, на наш взгляд, не просто в выделении двух типов предикатных и операторных знаков и в особой их интерпретации, а в существенно ином способе связи интенциональных функторов с их аргументами. Последнее определяет иной способ установления экстенсионала сложного интенционального контекста, отличающегося от способов установления экстенсионалов сложных экстенциональных контекстов [3], [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В. Ф. Логика. М., 1947.
2. Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.
3. Смирнова Е. Д. Логическая семантика и философские основания логики. М., 1986.
4. Smirnova E. D. An approach to the semantics of non-extensional context // 6th International congress of logic, methodology and philosophy of science: abstracts, sections 5, 7. Hannover, 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
<i>Дмитровская М. А.</i> Знание и мнение: образ мира, образ человека	6
<i>Шатуновский И. Б.</i> Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика	18
<i>Кодзасов С. В.</i> Интонация предложений с пропозициональными предикатами мышления	23
<i>Падучева Е. В.</i> Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова?	33
<i>Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.</i> Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью?	46
<i>Иоанесян Е. Р.</i> Некоторые особенности функционирования предиката <i>не знать</i>	63
<i>Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.</i> Чем обусловлена транзитивность знания?	75
<i>Кобозева И. М.</i> Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания	82
<i>Разлогова Е. Э.</i> Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях	98
<i>Зализняк Анна А.</i> О понятии имплицитного типа (для глаголов с пропозициональным актантом)	107
<i>Смирнова Е. Д.</i> Референция в интенциональных контекстах	121

CONTENTS

Editor's Note	3
<i>Dmitrovskaya M.A.</i> Knowledge and Belief: World's Image, Man's Image	6
<i>Shatunovsky I.B.</i> Epistemic Verbs: Functional Perspective, Presuppositions, Pragmatics	18
<i>Kodzasov S.V.</i> On Intonation of Utterances with Mental Pro- positional Attitudes	23
<i>Paducheva E.V.</i> Can the Indirect Question Valence Be Deduced from Lexical Semantics of a Word?	33
<i>Buliguina T.V., Shmelev A.D.</i> A Question on Indirect Questions: Is It an Established Fact Their Dependence on Factivity?	46
<i>Ioanesian E.R.</i> Some Peculiarities of the Propositional Predica- te не знать 'not to know'	63
<i>Buliguina T.V., Shmelev A.D.</i> On the Transitivity of Knowledge	75
<i>Kobozeva I.M.</i> Negation of the predicates of perception, belief and knowledge	82
<i>Razlogova E.E.</i> Explicit and Implicit Propositional Attitudes in Causal and Conditional Clauses	98
<i>Zalizniak Anna A.</i> On the Notion of Implicative Type (for Verbs with a Propositional Argument)	107
<i>Smirnova E.D.</i> On Reference in Intensional Contexts	121

Научное издание

**ЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ЯЗЫКА
ЗНАНИЕ И МНЕНИЕ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор *Л. М. Гаврилова*

Художник *В. П. Тикун*

Художественный редактор *И. Ю. Нестерова*

Технический редактор *В. В. Лебедева*

Корректор *Т. И. Шеновалова*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ N 38377

Подписано к печати 26.09.88. Формат 70×100 ¹/₁₆

Бумага офсетная N 1. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,2

Усл. кр.-отт. 5,3. Уч.-изд. л. 5,5

Тираж 2700 экз. Тип. зак. 707

Цена 85 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография
издательства "Наука"

199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

85 коп.

